

СТАРИКЪ ГОРЮ.

РОМАНЪ,

СОЧИНЕНІЕ БАЛЬЗАКА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Часть III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. СМІРНОВА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ ТѢАТРАХЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Января 25 дня, 1859 года.

Ценсоръ и Кавалеръ *И. Снегиревъ.*

СТАРИКЪ ГОРІО.

— Пойдемте въ вашу комнату, сказалъ Горіо, взявъ у Сильвіи ключь.

— Я нашелъ прелестную квартиру, въ улицѣ Аршуа, близехонько отъ улицы Св. Лазаря, гдѣ живешь моя Дельфина. Мы уже устроили квартиру; въ ней есть довольно мѣста для васъ и для меня. Все это ничего не будетъ вамъ стоить; не спрашивайте какимъ образомъ, этого я вамъ не скажу. О, намъ тамъ будетъ очень хорошо!

Евгеній не говорилъ ни слова, и, сложивъ руки на груди, прохаживался взадъ и впередъ по комнатамъ. Горю воспользовался минушой, когда онъ былъ къ нему спиною, и посадивъ на каминъ красный сафьянный фуляръ съ золотымъ гербомъ Расиньяка.

— Вы не можете вообразить, сколько мнѣ было хлопотъ съ этимъ. Но за то какъ я буду счастливъ! Живя съ вами, я буду иногда видѣть мою Дельфину, и сверхъ того буду знать, что она дѣлаетъ: вы всякой день станете рассказывать мнѣ объ ней. . . Боже мой, какъ мнѣ сегодня было весело! Вѣдь мы ходили вмѣстѣ! Были въ лавкахъ, вездѣ, вездѣ! Помню, я проводилъ ее домой. Ужъ дѣль десяти, какъ я не хаживалъ ни съ одной изъ дочерей моихъ. Но теперь мы сблизимся съ моею Дельфиной. . .

И бѣднякъ старикъ плакалъ съ радостнн.

— Вѣдь вамъ иногда надобно же будете кого нибудь для прислуги; а я всегда шунъ. Охъ, если бѣ эионъ прокляшый Альзанць умеръ; если бѣ его подагра догадалась забранься въ желудокъ! Вы бы женились на моей Дельфинѣ, и она была бы счастлива, и мы жили бы вмѣстѣ. . . . Боже мой, Боже мой. . . какъ эио было бы хорошо! Всю дорогу она шолько о васъ и шковала: »Не правда ли, бапшонка, что онъ хорошъ? Не правда ли бапшонка, что у него доброе сердце?« Ну шолько и слышишь опгъ неа! Я ей разсказалъ, что вы оидали мпѣ на сохраненіе шонъ билетъно, въ штысячу франковъ, эио ее до слезъ шропуло. . .

Да что эио у васъ на каминѣ? сказалъ наконецъ Горіо, досадуя,

что Распиньякъ не замѣчаетъ подарка.

Евгеній смотрѣлъ на него, какъ полоумный. Дуэль, о которой говорилъ Вопрень, и вмѣстѣ предложеніе добраго спѣрика, казались ему тяжкимъ сномъ. Онъ обернулся къ камину, увидѣлъ фупляръ, раскрылъ его, и нашелъ тамъ прелесныя Брегеповскіе часы, завернушыя въ бумажкѣ, на которой было написано:

» Я хочу, чтобы вы каждую минуту обо мнѣ думали, потому что. . . .

Дельфина.»

Последнія слова, видно, содержали въ себѣ намѣкъ на какую-то сцену происходившую между ними, попому что Евгеній былъ провуншъ. Гербъ его былъ превосходно выдѣ-

ланъ эмалью на спинкѣ часовъ. Онъ восхищался, Горіо блаженствовалъ. Онъ, вѣрно, обѣщаль разсказашь дочери, какое дѣйствіе произведешь на Евгенія ея подарокъ. Онъ любилъ Распашьяка и за себя и за нее.

— Спуйайте къ ней сегодня вечеромъ. Она ждетъ васъ. Она бѣдняжка, одна одиноконька. А! говорашь что мужъ ея очень сконфузился, когда адвокатъ мой спалъ говорашь съ нимъ о приданомъ. Онъ началъ увѣряшь, что обожашь дочь мою! Такъ вы возьмете меня къ себѣ жить?

— Я охотно къ вамъ переѣду! Вы знаете, что я люблю васъ.

— О, да; вы не спыдитесь меня! Дашь мнѣ обняшь васъ. И онъ заключилъ его въ свои объятія.

— Ну, что же? пойдете что ли вы къ ней.

— Пойду, непременно пойду. Только мнѣ надобно сегодня сходить еще въ другое мѣсто по весьма важному дѣлу.

— Не могу ли я что нибудь для васъ сдѣлать?

— Въ самомъ дѣлѣ, вы можете оказать мнѣ большую услугу. Я пойду къ Г-жѣ Пюсигенъ, а вы, между тѣмъ, поспешите сходить къ спарки Тальферу, и попросите его, чтобы онъ принялъ меня сегодня вечеромъ. У меня есть до него дѣло, крайне важное.

— Что это значитъ? вскричалъ Горіо, измѣнившись въ лицѣ. Неужели правда, что эти дураки шамъ толкуютъ? Неужели вы любите...

— Клянусь вамъ, что я люблю только одну женщину на свѣтѣ, сказалъ Распильякъ. Но сынъ Г. Тальфера дерется завтра на дуели,

и я слышалъ что онъ будешь
убишь. . . .

— Да вамъ - шо какая надобность?
сказалъ Горю.

— Непременно надобно ему ска-
зать, чтобы онъ не ходилъ въ . . .
вскричалъ Евгений.

И въ эту минуту послышался
голосъ Вопрена, конторый, появив-
шись вдругъ въ дверяхъ его комна-
ты, пѣлъ :

Ричардъ, о мой Король!

Покинуть всѣми ты

Брумъ! брумъ, брумъ. буруррррумъ

Я долго по свѣту шатался,

Вездѣ вездѣ перебивалъ.

Тра - ла - ла - ла, тра - ла - ла - ла, тра - ла - ла - ла!

— Господа! закричалъ Христо-
форъ, кушайте гогово.

— Послушай, сказалъ Вопрень,
возьми бушылку моего Бордосскаго
вина.

— А каковы часики? спросилъ Горіо.

Вопренъ, Горіо и Распиньякъ, сошли вмѣстѣ въ общую комнату, и какъ всѣ уже были за столомъ, но они принуждены были сѣсть рядомъ. Евгеній во весь обѣдъ былъ съ нимъ очень холоденъ, хотя Вопренъ, кошораго Г-жа Вокё находила шоль любезнымъ, никогда не бывалъ такъ веселъ и забавенъ. Всѣ хохотали. Это хладнокровіе Вопрена приводило Евгенія въ опчаяніе.

— Что съ вами сегодня случилось? сказала Г-жа Вокё: вы веселы какъ козленокъ.

— Я всегда веселъ, когда удачно сладилъ какое нибудь дѣло, опвѣчалъ Вопренъ.

— Какое дѣло? сказалъ Евгеній.

— Да; я поспавилъ шовары, и получу порядочные проценны за

коммисію. Мамзель Мишоно! сказалъ онъ, замѣчая, что она за нимъ присматриваетъ: что вы на меня такъ коситесь? Или лице мое вамъ не нравится? Пожалуй, я перемѣню его, вамъ въ угоду. Слышишь, Поаре, ты на меня не разсердишься?

— Что вы не пойдете въ напурцики? сказалъ молодой живописецъ: съ васъ бы хорошо писать Геркулеса.

— Пожалуй, пиши; только съ пѣмъ, чтобы мамзель Мишоно позволила списать съ себя Венеру.

— Венера! Венера! закричали студенты, хохоча.

— Все это хорошо, сказала Г-жа Воке съ досадой: а лучше бы было, если бы вы поподчивали насъ вашимъ бордосскимъ. Оно и пріятно, и здорово для желудка.

— Господа! вскричалъ Воиренъ: госпожа президентшиа напоминаешь намъ о соблюденіи порядка. Г-жа Кушюръ и вонъ эша юная добродѣтельная дѣвица не сконфузилась отъ вашихъ вольныхъ рѣчей за рюмкой; но не забывайте краснѣнь Г-на Горіо. Имѣю честь предложить вамъ бушылку Бордосскаго вина, извѣстнаго подъ именемъ Г. Лафина, но въ кошоромъ нѣтъ ни малѣйшаго духа оппозиціи, ни либерализма... Ей, чучело! сказалъ онъ, смотря на Христофора, кошорый и не двигался. Слышишь Христофоръ! Развѣ ты не знаешь своего имени? Давай сюда напитки!

— Вонъ они сударь, сказалъ Христофоръ, подавая ему бушылку.

Наполнивъ стаканы Евгенія и Горіо, онъ налилъ себѣ нѣсколько капель, пошохалъ виномъ, попробовалъ,

ождая, чшобы сосѣди его выпили, и пошомъ вскричалъ: Фуй, оно пахнетъ пробкой! Возьми его себѣ, Хрисифоръ. Да поди въ мою комнату; знаешь, шамъ, направо: насъ шеснанадцать человекъ; шакъ принеси восемь бушылочекъ.

— Коль шакъ, вскричалъ живописецъ, шакъ я плачу за сошню каштановъ.

— Bravo! — Славно! — Лихо!

Восклищанія взлешѣли какъ ракеты.

— Ну, машушка! сказалъ Вошренъ Г-жѣ Вокѣ: двѣ бушылочки шампанскаго.

— Шушка! Да вѣдь эшо двенадцать франковъ. Гдѣ мнѣ ихъ взять? Но если Г. Распиньякъ за нихъ заплашитъ, шакъ я пожалуй. . . .

— Согласенъ, сказалъ Распиньякъ; плачу.

Бушылки начали ходить вокругъ спола; всѣ развеселились; госпи зашумѣли. Грубый хохотъ раздавался въ комнашѣ. Между шѣмъ кшо-шо вздумалъ закричать какъ разнощикъ, и въ одну минушу раздалось со всѣхъ споронъ : — Ножи почишь ! — Кошкамъ ѣсть ! — Спараго мѣха продашь ! — Бушылки, шпофы продашь ! — Рыба свѣжая ! По вишню по ягоду ! . . .

Побѣда оспалась за Біаншономъ, кошерый самымъ гнусивымъ голосомъ прокричалъ : — пшицы пѣвчія !

Шумъ былъ ужасный. Плоскоспи и шушки сыпались со всѣхъ споронъ. То была настоящая опера, кошорою дирижировалъ Вошрентъ, наблюдая между шѣмъ за Евгеніемъ и Горю. Они оба, казалось, уже опьянѣли. Прислонившись къ спинкѣ спульевъ, они молча смолтрѣли

на эпошъ необычайный безпорядокъ, и пиля мало. Оба думали о шомъ, чно имъ надобно сдѣлать въ эпошъ вечеръ, и между шѣмъ оба чувствовали, чно уже не могутъ приподняться. Вопрентъ некого на нихъ поглядывалъ, и, когда уже глаза Евгенія смыкались, онъ нагнулся къ его уху и сказалъ ему: — нѣшь мой миленькій, тебѣ не перехиришь Вопрепа! Да припомъ, я слишкомъ люблю тебя, чнобы позволишь тебѣ надѣлать глупостей. Если ужъ я на что нибудь рѣшился, то мнѣ никакно въ мѣръ не помѣшаетъ! А! ты хочешь предосперечь снарика Тальфера. Шѣшь, любезный, печь испоплена, шѣшо гоново, — на лопашу, да и въ печку: завтра спашемъ прикусывать, да похваливать; а ты было вздумалъ помѣшать мнѣ. Не безпокойся, все будетъ исправно; полковникъ Фравнесиди

завтра же кончикомъ шпаги доспа-
вишь Викторинъ наследство отъ
брата. Материнское имѣніе ихъ
составляетъ болѣе трехъ сотъ
тысячъ франковъ: шакъ у ней бу-
детъ и безъ того около пятнадц-
цати тысячь дохода. А ты, спи
себѣ покуда!

Евгеній слышалъ все это, но не
могъ ошвѣчашь; языкъ его не во-
рочался, и сонъ одолѣвалъ его.
Столъ и госпи казались ему въ
какомъ-то шуманѣ. Шумъ ушнхъ
и госпи, одинъ за другимъ, разо-
шлись. Попомъ, когда въ комнахъ
остались только Г-жа Воке, Г-жа
Кушоръ, Викторина, Вопрень и
Горіо, Распиньякъ видѣлъ еще какъ
будто во снѣ, что Г-жа Воке на-
чала сливать осшанки вина въ од-
ну бутылку.

— Эзіе весельчакя! что за шум-
ливый народъ говорила она.

Это были послѣднія слова, которыя Евгений разслышалъ и понималъ.

— Ужь правду сказала, Г. Вопренъ на эти шпунки масперъ! сказала Сильвія. Посмотрише - ка ради Бога, Христофоръ спишь какъ сурокъ.

— Прощайше, мамушка голубушка, сказалъ Вопренъ Г-жѣ Воке. Я иду въ театръ. Хошише со мной? За всѣхъ плачу!

— Я съ вами! вскричала Г-жа Воке.

— Э голубчйки, угомонились! сказалъ Вопренъ, поглядывая на Горю и Распиньяка.

Онъ положилъ голову Евгенія на спинку стула, съ жаромъ поцѣловалъ его въ лобъ и зацѣлъ:

Спи мой милый почивай,

Глазъ своихъ не открывай!.....

— Я боюсь, не боленъ ли онъ? сказала Викпюрппа.

— Ну такъ, посперегитее его, сказалъ онъ. Это обязанность доброй жены, прибавилъ онъ, нагнувшись къ ея уху. Онъ васъ обожаеиъ и я предсказываю, что вамъ непременно быиъ за нимъ. Наконецъ, сказалъ онъ въ слухъ, »Они пользовались всеобщимъ уваженіемъ, жили долго и счастливо и оставили много дѣшей!« Такъ кончаюиъся все сшаривные романы.

— Ну, машушка! сказалъ онъ, обнимая Г-жу Воке: одѣвайиъсь - ко поскорѣ; плаиъе съ цвѣтами, шляпку съ перьями, кушакъ съ узорами. Ну же, скорѣ; а я схожу куда за извоицикомъ.

И онъ ушелъ, напѣвая :

Солнце красное, солнце красное !

На твоихъ лучахъ зрютъ яблочки !

— Господи, Боже мой! сказала Г-жа Воке, обращаясь къ Г-жѣ Кушноръ: съ эшимъ человѣкомъ и на чердакъ не соскучишься. Ну, прибавила она, взглянувъ на Горіо: онъ уже пропяпулся. Эшонтъ снарый чорпъ ни въ жизнь меня въ шеапръ не важивалъ. Да вѣдь онъ, пожалуй, со спула свалился! Сильвія, спаци его къ нему на постель.

Сильвія взяла старика подъ руки, свела его кой - какъ въ его комнату, и бросила какъ снопъ поперегъ постели.

— Бѣдняжка! сказала Г-жа Кушноръ, расправляя волосы Евгенія, упавшіе ему на глаза. Онъ, какъ красная дѣвушка, не можешь лишней рюмки выишь.

— То ужь правду сказаешь, вскричала Г-жа Воке: вошь ужь прицаешь одинъ годъ какъ я пускаю къ

себѣ жильцовъ; много молодыхъ людей видывала, а шакого милаго право еще не знавала. Экой онъ хорошенькой, когда спишь! Положите жь его голову къ себѣ на плечо. Ба, да онъ и самъ свалился на плечо Викшорины. Догадливъ? А по бы онъ разкроилъ себѣ голову объ спуль. А что! вѣдь они парочка бы хопь куда.

— Какъ можно эшакія вещи говоришь! сказала Г-жа Купюръ.

— Ба, да вѣдь онъ не слышитъ. Сильвія, пойдѣмъ, одѣнь меня. Я надѣну большой корсетъ.

— Большой корсетъ? послѣ обѣда - по! Нѣтъ, сударыня, я не спану васъ шнуровать; я не хочу быть вашей убійцей.

— Нужды нѣтъ! Я должна принарядишься для Г. Вопрена.

— Да что вы хлопчите : для своихъ наследниковъ ?

— Ну же, Сильвія ! полно умищать. Пойдемъ.

Храпѣнье Хриспофора раздавалось по всему дому; оно составляло совершенную прошивоположность съ тихимъ сномъ Евгенія, копорый спалъ мило какъ младенецъ. Радуюсь, что можете позволить себѣ одно изъ тѣхъ добрыхъ дѣлъ, въ копорыхъ изливаешся вся нѣжность женщины, и чувствовашь, безъ нарушенія стыдливости, бѣненіе сердца Евгенія, Викторина сидѣла смирно, и смотрѣла на него съ видомъ матери, копорая имѣетъ своего ребенка. Посреди нѣжныхъ мыслей, раздавшихся въ ея сердцѣ, пререпень сладости, возбуждаемый прикосновеніемъ милаго, пробѣгалъ по ея жиламъ.

— Бѣдняжка! сказала Г-жа Курторъ, пожимая ей руку.

Старуха любовалась милымъ, но бользненнымъ лицомъ Викшордны, которое сіяло блаженствомъ. Дѣвица Тальферъ походила на одну изъ пѣхъ каршинъ сшаринныхъ живописцевъ; кошорые пренебрегали подробносшями и сберегали все свое искусство для изображенія лица, обыкновенно нѣсколько желновашаго, но какъ будто отражавшаго золотыя опшѣйки неба.

— Онъ, вѣдь, маменька, выпилъ не больше двухъ рюмокъ! сказала она, расправляя волосы Евгенія.

— Онъ не привыкъ къ пьянству, моя милая, а то бы могъ выпивать столько же какъ и другіе. Это дѣлаешь ему честь, что онъ такъ пьянъ.

На улицѣ слышался шумъ кареты.

— Маменька, сказала Викпорина : эпо Г. Вопренъ! Снимите съ меня голову Евгенія. Мнѣ бы не хотѣлось, чшобы онъ видѣлъ меня въ эпомъ положеніи: эпомъ челоуѣкъ мараешъ душу своими шупками.

— Ты несправедлива къ нему, сказала Г-жа Купюръ. Вопренъ челоуѣкъ простой, но добрый. Онъ немножко въ родѣ моего покойнаго мужа.

Вопренъ вошелъ пошхоньку въ комнату, и осшановился, чшобы полюбоваться на эту картину.

— Эша сцена внушила бы нѣсколько прекрасныхъ картинъ Бернардену - Сенъ - Пьеру, автору «Павла и Виргинія,» сказалъ онъ. Какъ юность мила ! Спи, Евгеній, спи; счастье иногда приходишь во снѣ-

Вы не можете вообразить, какъ я люблю этого молодого человѣка! прибавилъ онъ, обращаясь къ Г-жѣ Купюръ: и люблю потому, что душа его такъ же прекрасна, какъ, и лице. Этошь, право, стоить любви. Если бъ я былъ женщина, я бы хотѣлъ умереть, вѣшь, жить для него. — Когда я смотрю на нихъ, сударыня, сказалъ онъ, нагнувшись къ уху Г-жи Купюръ, мнѣ приходится въ голову, что они созданы другъ для друга. — Пуши Провидѣнія неисповѣдимы! прибавилъ онъ вслухъ. Вы соединены между собою, мои милые, одинаковою чиспошою и всѣми прекрасными чувствованіями сердца человѣческаго; невозможно, чтобы будущность разлучила васъ. Богъ справедливъ. — Мнѣ помнишя, что я какъ-то видѣлъ у васъ на рукѣ линіи благополучія, продолжалъ онъ, обращаясь къ Вик-

шоринѣ. Дайте мнѣ вашу ручку, не бойтесь. Боже мой, какія прекрасныя линіи! О, повѣрьте мнѣ, что вы въ скоромъ времени будете одною изъ самыхъ богатыхъ наследницъ во всемъ Парижѣ; вы осчастливите человѣка, который васъ любитъ; бабюшка возьметъ васъ къ себѣ; вы выйдете за мужъ за молодого человѣка изъ хорошей фамиліи, и прекраснаго, и который васъ обожаетъ.

Тяжелые шаги спарой локетки Воке прервали предсказанія Воирана.

— Фу, ты, Господи, какъ разрядилась! вскричалъ онъ, и, подошедши къ ней, задѣлъ пальцемъ за шорчащій на желудкѣ конецъ желѣзной полосы корсета, такъ, что упругій мешалъ произвелъ ошголосокъ хлопущки. Не шѣснень-

ко ли, машушка? Бѣда, вѣдь! какъ заплачете въ псапрѣ, пожалуй и лопнете какъ бомба. Но я подберу осколки съ тщательностію аншикварія.

— Вошь человѣкъ, который еще придерживается старинной Французской любезности съ дамами! прошептала Г-жа Воке, на ухо Г-жѣ Кушюръ.

— Прощайте дѣпи! сказалъ Вопренъ, обращаясь къ Евгенію и Викторинѣ. Благословляю васъ! прибавилъ онъ держа руки надъ ихъ головами. Повѣрьте мнѣ, сударыня, желанія честнаго человѣка всегда принесутъ счастье.

— Прощайте, моя милая, сказала Г-жа Воке своей жилицѣ и попомъ нагнувшись къ ея уху, прибавила: Какъ вы думаете, не имѣешь ли Г. Вопренъ на меня намѣреній?

— Бышь можешъ.

— Ахъ, маменька! сказала Викшорина, когда онѣ оспались однѣ съ Г-жею Кушюръ: ахъ, маменька, что если бы Г. Вопрень сказалъ правду

— Да что жъ, моя милая! для этого надобно только, чтобы братъ швой упалъ съ лошади, и свернулъ себѣ шею.

— Какъ вамъ не грѣхъ, маменька!

— Конечно, грѣхъ желашъ комунибудь зла. Но, право, я бы съ удовольствіемъ свесла цвѣшовъ на его могилу. У него дурное сердце! Онъ не хочешъ попросить за свою мать, а самъ пользуешя ея наслѣдствомъ. Покойница сестра была не бѣдна; да къ несчастію въ свадебномъ документѣ не оговорено было, чтобы имѣніе ея перешло къ дѣшамъ опдѣльно опъ опцовскаго.

— Благополучіе мое было бы тяжело мнѣ, если бь оно сполло кому нибудь жизни, сказала Викторина. Въ такомъ случаѣ я лучше бы хотѣла оспавзпсья всю жизнь здѣсь.

— Пуши Провиденія неисповѣдимы, какъ говоришь и Г. Вопренъ. Мнѣ очень пріятно было видѣшь, что онъ не такой безбожникъ какъ другіе.

Г-жа Купюръ и Викторина, съ помощію Сильвіи перенесли Евгенія въ его колнашу, положили на поспель, и кухарка распегнула его сюршукъ, чтобы ему было не такъ душно. Когда Г-жа Купюръ опвернулась, Викторина, уходя, напечатлѣла поцѣлуй на челѣ Евгенія. Она собрала такъ сказапъ въ одно цѣлое всѣ счастливыя минушы этого дня, сосшавила изъ нихъ каршину благополучія, долго любовалась ею, и наконецъ заснула счастливей-

шимъ сущесствомъ во всемъ Парижѣ.

Вопренъ напоилъ Евгенія и Горю виномъ съ опиумомъ. Они одни спали; другіе, не пившіе изъ первой бутылки, были только веселы, когда разошлись всѣ послѣ объѣда. Біаншонъ, среди общей радости, забылъ даже спросить мамзель Мишоно о забавномъ прозваніи, слышанномъ имъ въ саду, а мамзель Мишоно раздраженная насмѣшкою Вопрена, который назвалъ ее Венерою, рѣшилась сыграть съ нимъ непріятную шушку. Она тотчасъ отправилась съ Г. Поаре къ Видоку, котораго все еще считала за Гондюро. Знаменитый начальникъ сыщиковъ принялъ ее очень вѣжливо. Условившись съ нею обо всемъ онъ далъ ей небольшую спкляночку съ кажими-то черными каплями и рассказалъ ей, какъ употреблялъ

ихъ. Покуда онъ доставалъ спящую дочку изъ ящика, ей пришло въ голову, что полиція, можетъ - быть, ишарается шакъ усердно о задержаніи Вопрена попому, что на-тешся найши у него много денегъ. Она, съ хитрою улыбкою, памекнула объ эпомъ Видоку.

— Нѣтъ! вы ошибаетесь, опвѣчалъ онъ. Намъ нужно задержашъ Жаба Коллена попому, что онъ лучшая голова изъ всѣхъ воровъ и мошенниковъ. Они это очень знающъ. Онъ ихъ предводитишель, совѣшникъ, наставникъ, ихъ Бонапаршъ. Эпощъ человекъ никогда не оставишъ своего *отрубка* на плахѣ. Онъ смѣешся надъ нами, и надъ *вдовушкой*.*

* Въ живописномъ языкѣ Французскихъ разбойниковъ, *вдова* означаетъ гильотину, а *отрубка* tronçon, человеческую голову.

За то, если намъ случается ловить эшакого молодца, то мы въ случаѣ сопротивленія убиваемъ его безъ церемоній. Такимъ образомъ мы избавляемъ общесство отъ опаснаго члена, и предупреждаемъ множесство пресупленій. Мы сдѣлаемъ это и съ нимъ.

Слѣдующій день долженспивовалъ сдѣлапья однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дней исторіи дома Г-жи Воке. Доселѣ самыми важными событіями въ эпою мирной обители были появленіе или выбытіе како-го нибудь жильца. Но эпошъ день былъ совершенно необыкновенный, и понынѣ служишъ Г-жѣ Воке не-испоцимымъ предметомъ разсказовъ. Во первыхъ Горю и Распиньякъ проспали до одиннадцати часовъ. Г-жа Воке, возвратившись изъ

псапра въ двѣнадцатомъ часу, пролежала въ постели до половины одиннадцатаго. Продолжительный сонъ Христофора, который допилъ буылку, оиданную ему Вопренемъ, замедлилъ пригоповленіе завпрака. Поаре и дѣвица Мишоно не жаловались, что долго не даюшъ завпракать. Викпорина и Г-жа Кушюръ тоже долго не вспавали. Вопренъ въ осьмомъ часу ушелъ со двора, и возвратился передъ самымъ завпракомъ. Около половины двѣнадцатаго, Христофоръ и Сильвія пошли стучать въ двери и созывать всѣхъ въ столовую. Жильцы собрались не скоро; но Мишоно пришла прежде всѣхъ, мелькнула раза два около камина, и влила въ кофе, пригоповленный для Вопрена, капли, данныя Видокомъ. Евгенийъ поднялся послѣ всѣхъ, и когда онъ сходилъ съ лѣстницы,

арпшельщикъ подалъ ему письмо опъ Г-жи Нюсингентъ.

»Я ждала васъ вчера цѣлый вечеръ. Такъ - по вы меня любите. Очень видно, что вы еще никого не любите. Что же съ вами сдѣлалось? Успокойте меня, объясните мнѣ, опчего вы не приходите послѣ того, что бапюшка сказалъ вамъ. Я посержусь и прощу васъ. Не больны ли вы? Зачѣмъ вы такъ далеко живете! Ради Бога, опвѣчайте мнѣ, — вы будете ко мнѣ? Если вы заняты, по напишите хоть одно слово — Иду, или Боленъ. Но если бъ вы были больны, бапюшка пришелъ бы сказать мнѣ. Что же такое случилось? « . .

—Да, что такое случилось? вскричалъ Евгений, вбѣжавъ въ споловую и смявъ въ рукѣ письмо. Копорый часъ ?

— Половина двѣнадцатаго, сказалъ Вопренъ, подкладывая сахаръ въ свой кофе.

— Онъ бросилъ на Евгенія одинъ изъ шѣхъ холодныхъ, оцѣпняющихъ взглядовъ, которыми люди, одаренные въ высокой степени магнетической силою, усмиряють, какъ говорятъ, даже бѣшенство сумасшедшихъ. Евгенийъ запрещаешь всѣми членами. Вслѣдъ за шѣмъ на улицѣ послышался шумъ коляски, и человекъ въ ливреѣ Г. Тальфера вбѣжалъ запыхавшись въ комнашу.

— Башюшка васъ пребуешь, сударыня! сказалъ онъ поспѣшно Викторинѣ. У насъ случилось несчастье. Молодой баринъ былъ сегодня ушромъ на дуели, и смертельно раненъ шпагою въ лобъ. Врядъ ли вамъ удастся просииться съ нимъ; онъ лежишь безъ чувствъ.

— Бѣдный молодой человекъ! вскричалъ Вопрень. Какъ можно выходишь на дуэль, когда имѣешь придцашъ тысячъ ливровъ дохода? Молодежь нынче совсѣмъ не умѣетъ вести себя.

— Вопрень! закричалъ ему Евгений.

— Ну, что? Экой ребенокъ! Въ Парижѣ всякой день дуели! Говоря это, онъ хладнокровно допивалъ свой кофе, и спарая дѣвица Мишоно съ такимъ вниманіемъ слѣдовала за его движеніями, что какъ будто и не слышала вѣспи, кошорая поразила всѣхъ прочихъ.

— Я поѣду съ тобою, Викшорина! вскричала Г-жа Купшоръ.

И онѣ обѣ убѣжали безъ шалей и безъ шляпокъ. Уходя Викшорина бросила на Евгенія взглядъ, кошорымъ какъ будто хотѣла сказать:

я не думала, чшобы наше благополучіе могло стоить мнѣ слезъ!

— Да вы, видно, колдунъ! сказала Г-жа Воке Вопрену.

— Я все, что хошите, опвѣчалъ онъ.

— Не спранно ли эшо! продолжала она, нанизывая безчисленное множество пошлыхъ фразъ объ эшомъ происшествіи. Смерть приходитъ не сказавшись! Иной и молодъ, да умираешь, другой и старъ, да живешь, и прочая, и прочая. Какое счастье для Викпорины! Вѣдь она щенерь будешь наследницей.

— Да! сказалъ Вопренъ, поглядывая на Евгенія: вчера у ней не было ни гроша за душой, а сегодня нѣсколько милліоновъ.

— Эге, Г. Распицьякъ, да и вы видно угадываете, гдѣ раки-шо зимуютъ!

— Сударыня, сказалъ Евгеній, обращаясь къ Г-жѣ Воке съ выраженіемъ какого-то ужаса и отвращенія, которое чрезвычайно удивило всѣхъ присутствующихъ: я ни за что въ свѣтъ не женюсь на дѣвицу Гальферъ.

— Не клянишься, вскричалъ Вопрень: Испаліанецъ сказалъ бы — *Col tempo!*

— Ошвѣпа не будешь? сказалъ Распицьяку человекъ, присланный ошъ Г-жи Нюсингенъ.

— Скажи, что сей часъ буду.

Аршельщикъ ушелъ. Евгеній находился въ состояніи сильнаго раздраженія, которое ошнамало у него все благоразуміе.

— Что дѣлашь? говорилъ онъ вслухъ самому себѣ: доказашельствуйшь!

Вопрень принялся улыбапсья. Въ эту минушу, допивъ свой кофе, онъ хотѣлъ вспапсь, но вдругъ ужасно измѣнился въ лицѣ. Ему сдѣлалось очень дурно. Но онъ былъ такъ здоровъ и силенъ, что могъ еще бодро вспапсь со сшула, взглянулъ на Евгенія, и сказалаъ ему глухимъ голосомъ: — Молодой человекъ! счастье иногда во снѣ приходишь.

И онъ упалъ замершво.

— О! Божеское правосудіе! вскричалаъ Евгеній.

— Чшо это съ нимъ сдѣлалось?

— Параличь! равнодушно сказала Г-жа Мишоно.

— Сильвія, бѣги скорѣе за докшоромъ, примолвила Г-жа Воке. Ахъ Г. Распиньякъ, сбѣгайте поскорѣе къ Г. Біаншону, она не найдешъ Г. Гримпеля.

Распиньякъ, радуясь, что имѣешь предлогъ убѣжать изъ этого вершеша, поспѣшно вышелъ.

— Христофоръ, бѣги скорѣе въ аптеку, спроси чегонибудь опіъ паралича.

Христофоръ ушелъ.

— Г. Горіо, да помогите же намъ снести Г. Вопрена въ его комнату.

Они всѣ вмѣстѣ подняли его, благополучно проманеврировали съ нимъ по лѣсницѣ, и положили его на постель.

— Я вамъ ни на что не гожусь, сказалъ Горіо; я пойду къ дочери.

— Экой эгоистъ! вскричала Г-жа Воке. Ужъ я тебѣ пророчу, что ты самъ околѣешь какъ собака!

— Поищите, нѣтъ ли у васъ эфиру, сказала Г-жа Мишоно Г-жѣ Воке, а сама между тѣмъ съ помощію Поаре, расшегивала плащъ Вопрена.

Г-жа Воке побѣжала въ свою комнату, и оставила мамзель Мишоно обладашельницею поля сраженія.

— Да ну-же! снимите съ него, поскорѣе рубашку, да переверните его! Неужели вы и на это не годитесь? Мнѣ вѣдь непристойно раздѣвать его. Вы спойте какъ испуванъ!

Вопрена перевернули, дѣвица Мишоно сильно ударила его по плечу ладонью, и роковыя липеры Т F, кошорыми клеймятъ капоржниковъ, означились бѣлымъ на покраснѣвшей кожѣ. Справка подведена!

— Какъ вы проворно выработали свои три тысячи франковъ! сказалъ Поаре, поддерживая Вопрена пока Мишоно надѣвала на него рубашку. Уфъ, какой тяжелой! крибавиль онъ.

— Не кричите! Не здѣсь ли его касса? сказала старая дѣвка, про-

ворно обозрѣвая всю комнашу сіяющими своими глазами. Не лъзя ли подь какимъ нибудь предлогомъ ош перешь эшо бюро?

— Да хорошо ли эшо будешь? сказалъ Г. Поаре.

— Чшо за бѣда! Деньги украденныя не принадлежашь никому. Но шеперь уже нѣкогда; Г-жа Вокеидешь.

— Вошъ эфиръ! кричала она изъдали. Господи Боже мой, какія все сего дня приключенія случающся! Да онъ не боленъ, вскричала она: смоприше, онъ бѣлъ какъ ципленокъ. Онъ умеръ.

— Онъ умеръ! повшорилъ Поаре.

— Нѣшъ; онъ шолько въ параличъ, сказала Мишоно, зная чшо данныя ею капли должны произвеспи шолько кровяной ударъ, не смершельный, но между шѣмъ довольно сильный для шого, чшобы человекъ лишился чувспивъ.

— Сердце у него бьется ровно, сказала Г-жа Воке, положивъ руку ему на сердце.

— Ровно? сказалъ удивленный Поаре.

— Онъ какъ будто спитъ! По-смотрише-ко, Г-жа Мишоно, онъ нюхаетъ спиртъ. Э! да это видно у него просто сназмы. Пульсъ хорошъ. Спранно, что парикъ - то держится на головѣ. . . . Парикъ-то приклеенъ; а волосы у него рыжіе. Какая грудь! Онъ дюжъ какъ Ташаринъ, сто лѣтъ проживешъ. Рыжіе, говоряшъ, или всѣ очень добры, или всѣ очень злы. Эпошъ, видно, изъ очень добрыхъ.

— Добрый какъ разбойникъ, сказалъ Поаре.

— Что вы это говорише? вскричала дѣвца Мишоно. Добрый какъ диня! спупайше съ Богомъ, Г. По-

аре. За больными ходишь женское дѣло. Да вы ни на что не годи-тесь! Мы и однѣ съ Г-жею Воке посмопримъ за бѣднымъ нашимъ больнымъ. Идите гулянь!

Поаре ушелъ смирнехонько, какъ собака, которой господинъ ея даль пинка ногою.

Распиньякъ вышелъ только для того, чтобы проходишься, освѣ-житься чистымъ воздухомъ, пошому что онъ задыхался. Онъ хотѣлъ предупредитъ это преступленіе, совершенное въ назначенный часъ! Ему не удалось. Чпожь онъ долженъ былъ шеперь дѣлать? Онъ шрепешалъ при мысли, что сдѣ-лался сообщникомъ въ преступле-ніи. Хладнокровіе Вопрена его ужа-сало.

Онъ шоропливо ходилъ по алле-ямъ Люксембургскаго сада, какъ

будто за нимъ гналась стая собакъ, и ему казалось, что онъ слышитъ лай ихъ.

— Послушай Распиньякъ, кричалъ ему Біаншонъ еще изъ-дали, чипалъ ли ты сегодня «Пилона.» Тамъ рассказываютъ замѣчательныя вещи. Сынъ Тальфера дрался на дуэли съ полковникомъ Франкессини, и пощъ вопкнулъ ему шпагу на два дюйма въ лобъ. Теперь Викторина одна изъ богатѣйшихъ наследницъ во всемъ Парижѣ. Чортъ возьми, когда бы зналъ это заранѣе! Правда ли, что она къ тебѣ не равнодушна?

— Молчи, Біаншонъ! я никогда не женюсь на ней. Я люблю одну милую женщину, любимъ ею, и . . .

— Ты говоришь это какъ будто всеми силами крѣпясь, чтобы не измѣнилъ ей. Гдѣ ты найдешь

женщину, кошорой бы споило по-
жертвованъ имѣніемъ Викторины?

— Весь адъ прошивъ меня воору-
жился! вскричалъ Расшиньякъ въ
опчяніи.

— Чшо съ тобой? Ты точно какъ
сумасшедшій. Дай-ка мнѣ пощупать
шивой пульсъ. Да у тебя лихорадка.

— Бѣги къ Воке, сказалъ Евгений;
мерзавецъ Вопренъ упалъ за - мер-
шво.

— А! сказалъ про себя Біаншонъ,
уходя опъ Расшиньяка: ты подкрѣ-
пляешь мои подозрѣнія, и я пойду,
повѣрю ихъ.

Продолжительная прогулка Евге-
нія была шоржеспивенна. Онъ такъ
сказалъ осмошрѣлъ свою совѣсть.
Онъ волновался, не рѣшался, но на
эшошъ разъ честносшь его вышла
изъ спрашной борьбы цѣла и не-
вредима, какъ желѣзная полоса, ко-

порая выдержала всѣ пробы. Онъ вспомнилъ что говорилъ ему Горіо, вспомнилъ, что ему предлагали новую кварширу, въ улицѣ Аршуа, недалеко отъ Дельфины. Онъ взялъ ея письмо, снова прочелъ его и поцѣловалъ.

— Эша любовь будешъ моею спасительницею! сказалъ онъ. Спарикъ Горіо много спрадалъ сердцемъ. Онъ не рассказываетъ своихъ огорченій: но кто ихъ не угадаешъ? Я спану пещись объ немъ, какъ объ опцѣ моемъ; сдѣлаю для него жизнь наслажденіемъ. Если она любитъ меня, то будешъ часто пріѣзжашъ къ намъ. Графиня Респо ужасная женщина; она рада бы опредѣлишь опца куда нибудь въ дворники. Милая моя Дельфина! она гораздо лучше съ нимъ. Она споишъ любви.

Онъ вынулъ часы свои, и любовался ими.

Все мнѣ удастся. Мы любимъ другъ друга, и любимъ навсегда: такъ мы можемъ помогать одинъ другому; я въ правѣ принять это. Припомъ я непременно буду со временемъ богашъ, и заплачу ей вдесяперо.

Борьба Распиньяка съ самимъ собою была продолжительна. Побѣда оставалась еще на сторонѣ юношескихъ добродѣтелей, но между тѣмъ около половины пятаго любопытство повлекло его въ домъ Г-жи Воке, копорый онъ намѣревался навсегда оставить. Ему хотѣлось знать, живъ ли еще Вопренъ.

Бланшонъ далъ больному рвотное, и послалъ въ госпиталь то, что изъ него вышло, для того, чтобы изслѣдовать это химически. Мамзель Мишоно настаивала чтобы бросить это, и поведеніе ея утвердило подозрѣнія Блансона, тѣмъ

болѣе, что Вопренъ пошчасъ въ здорověль. Привлеченные вѣспью о дуэли молодаго Тальфера, посѣпишли Г-жи Воке, желая узнать подробности эпого происшесивія и вліянія, которое оно произвело на судьбу Викторины, собрались раньше обыкновеннаго, за исключеніемъ одного Горю. Когда Евгенийъ вошелъ въ комнату, Вопренъ сподѣлъ у каминна, и взоры ихъ встрѣпились. Взглядъ эпого необыкновеннаго чловѣка проникъ шакъ далеко въ душу Расиньяка, что онъ запрепелалъ.

— Ну, любезнѣйшій, сказалъ бѣглый кашоржникъ: видно смерти не скоро со мной справишься; говоряшь, что я выдержалъ ударъ, который бы свалилъ быка.

Потомъ, угадывая мысли Евгенія, онъ сказалъ ему на ухо: — Вы кажешся, жалѣете, что я не умеръ?

Я не думалъ, чтобы вы такъ далеко зашли!

— Да вчера мамзель Мишоно, сказала Біаншонъ, именно толковала о какомъ - то человѣкѣ, котораго прозвали »Надуль - смериль.« Вотъ имя, приличное вамъ, Г. Вопренъ!

Это имя было громовымъ ударомъ для Вопрена. Онъ поблѣднѣлъ и зашатался. Магнетическій взглядъ его упалъ какъ лучъ солнца на старую Мишоно, и подкосилъ ей ноги. Она опустилась на спулѣ. Поаре бросился между нею и Вопреномъ, понявъ, что она находится въ опасномъ положеніи, — такъ злобно сдѣлалось лице разбойника, когда онъ сбросилъ съ себя ласковую свою личину. Всѣ присутствующіе были въ изумленіи, не постигая тайны этой драмы. Но въ эту минуту послышались шаги нѣсколькихъ человѣкѣ и шумъ солдатскихъ

ружьевъ о мосповую. Колленъ машинально озиралъ окна, какъ - бы ища средства спасенія, какъ въ дверяхъ явились чешыре чловѣка. Первый изъ нихъ былъ начальникъ сыщиковъ, изящнѣе прозванный Директоромъ судебной полиціи; прѣе оспальныхъ полицейскіе офицеры. Мишоно отдохнула: Поаре прогулялся не даромъ!

— Опъ имени короля и законовъ, сказалъ одинъ изъ офицеровъ. И за этими словами послышался ропъ удивленія. Но шопчасъ воцарилось молчаніе. Посъшпели разсшупились, чшобы пропустить полицейскихъ, кошорые все держали въ карманѣ заряженный пистолешъ. Два жандарма спали у дверей, двое другихъ на лѣспницѣ. Шаги солдатъ и спукъ ружьевъ слышались кругомъ всего дома. Надуль-смерши не было ни какого спасенія. Видокъ

подошелъ прямо къ нему, и ударилъ его по головѣ такъ сильно, что парикъ слетѣлъ, и голова Коллена явилась во всей своей опшврашительности. Короткіе, темно-рыжіе волосы придавали лицу его спрашный характеръ силы и хитрости, и оно заблестало огнями ада. Въ эту минуту всякой понялъ всего Вопрена, его прошедшую и настоящую жизнь, его будущность, его ужасныя правила, могущество, придаваемое ему рѣшительнымъ цинизмомъ, силу его души и шѣла, ко всему привычныхъ. Кровь поднялась ему въ голову, и глаза его заблестали какъ у шигра. Онъ зашряся, и испустилъ такой ужасный звукъ, что всѣ присутствующіе со страха закричали. При этомъ львиномъ движеніи, полицейскіе выхватили свои пистолеты. Колленъ мгновенно постигъ всю опасность

своего положенія, и вдругъ явилъ опышъ величайшаго человѣческаго благоразумія. Ужасное и между шѣмъ величественное зрѣлище! Въ физиономіи его сдѣлалась перемѣна, схожая съ явленіемъ, происходящимъ въ котлѣ съ кипучимъ паромъ, кошорый могъ бы взорвать цѣлыя горы, и ушихася ошъ одной капли холодной воды. Капля, охладившая бѣшенство Вошрепа, была размышленіе, — быстрое какъ молнія. Онъ улыбулся, и поглядѣлъ на парикъ свой.

— Ты сегодня ужъ черезчуръ неучпивъ, сказалъ онъ Видоку.

Онъ прошпануль къ жандармамъ руки, и сдѣлалъ имъ знакъ головою, чшобы они подошли.

— Ну же, господа, надѣвайше на меня кандалы, или вяжише меня веревками. Свидѣшельсшвуюсь всѣ-

ми присуществующими, что я не сопротивляюсь.

Въ залѣ раздался говоръ удивленія, возбужденный быспрошою, съ кошорою лава и пламя появились и скрылись въ этомъ человѣческомъ вулканѣ.

— Что, братъ, не удалось? спросилъ Коллень насмѣшливо, поглядывая на знаменишаго начальника сыщиковъ.

— Раздѣвайся, сказалъ Видокъ презрительно.

— Къ чему? Здѣсь еснъ дамы, а я ни въ чемъ не запираюсь.

— Онъ остановился, и поглядѣлъ на присуществующихъ, какъ орапоръ, кошорый собирается сказать нѣчто удивительное.

— Ну, братъ Лашапель, пиши же, сказалъ онъ одному съдому спари-

бу, конорый съль къ сполу, и вынулъ изъ зеленаго поршфеля пропоколь задержанія аресшанпа. Признаюсь: я Жакъ Колмень, по прозванію Надуль - Смершь, приговоренный къ кашоржной работѣ на двадцать лѣтъ, и я сей часъ доказалъ вамъ, чшо не напрасно пошу эшо прозваніе. Если бы я шолько приподнялъ руку, мерзавцы развозможили бы мнѣ голову, сказалъ онъ, обращаясь къ жильцамъ. Эши господа надѣялись поддѣль меня. Не вамъ меня надушь, голубчики!

Мадамъ Воже чущь не упала въ обморокъ.

— Боже мой сказала она Сильвіи: а я была вчера съ нимъ въ шеашрѣ.

— Э, не шревожьшесь, машушка! Эка бѣда, чшо вы были въ моей ложѣ! Чѣмъ вы лучше другихъ? Самый добрѣдѣшельный изъ васъ не

устояль прошивъ моихъ убѣжденій.

Взоры его оспановились на Распиньякъ, и на лицъ его появилась ласковая улыбка, соснавлывшая совершенную прошивуположность съ недавнею еще его суровосшью.

— Договоръ нашъ все шаки сущесшвуетъ, любезнѣйшій; разумѣется, если прешья спорона его приметъ. Помнишь?

— Онъ запѣль:

Милая моя Фаншетта:

Въ обычной простотѣ. . . .

— Не безпокойся, я получу что мнѣ слѣдуетъ. Меня не посмѣютъ надуть.

Распиньякъ попунилъ глаза, и принялъ эту дружбу въ наказаніе за свои порочныя мысли.

— Кто изъ васъ меня продалъ? вскричалъ онъ, поводя ужасный взглядъ свой по всему собранію, и пономъ, османоивъ его на дѣвицѣ Мишоно, прибавилъ: — Ахъ, ты Венера! Это ты, смарая ворона? Мнѣ спомнѣть только сказашъ два слова, чшобы тебѣ черезъ недѣлю ишлою оппилили голову. Но я тебѣ прощаю; я добрый. Пришомъ продала меня не ты. Но кто жь это?... — Ага! вы шамъ прудишесь, сказаль онъ, услышавъ, что полицейскіе обыскиваютъ его компану. Напрасно, господа; пиички еще вчера улешѣли. Вы ничѣго не узнаете: коммерческія мои книги всѣ здѣсь, прибавилъ, онъ, ударивъ себя по лбу. — А! теперь я знаю, кто меня продалъ. Не кому кромѣ Трипо! — Песлушай, пріятель, сказаль онъ Видоку: мы съ тобой смарые знакомые; признайся ошкровенно — онъ

что ли? Скажите, госнода, что вы дали за меня Мишонешкѣ - по? Чай, нѣсколько тысячъ. Я больше этого спою. Экая ты дура, Венера! сказала бы мнѣ, такъ я бы тебѣ въ двое далъ. Что, не бось, шеперь жалко: не догадалась! Да, правду сказашь, далъ бы шесть тысячъ франковъ, чтобы избавишься отъ обратнаго путешествія въ Тулонъ. Добро бы они топчасъ оправдали меня шуда: я бы какъ разъ сюда опянь явился; а по зашаскаюшь по судамъ. Всѣ наши,—а ихъ ешь шесть сотъ человекъ, — отдадутъ себя на расперзаніе, чтобы нѣлько помочь убѣжанъ своему предводишелю, своему доброму Коллену.

— Послушай ты, секретарь палача, пріяшель красной вдовы! сказашь онъ, обращаясь къ Видоку, Признайся откровенно: Трино, что ли, меня продалъ? Въдь онъ черезъ

нѣсколько дней будешь подь землею, а мнѣ бы не хопѣлось наказывать невиннаго. Это было бы несправедливо.

Полцейскіе, обыскивавшіе комнату Вопрена, вошли въ споловую, и сказали что-то вполголоса Видску. Прошоколь былъ конченъ.

— Господа! сказалъ Коллепъ, обращаясь къ прежнимъ своимъ поварищамъ: теперь они уведутъ меня. Прощайте. Вы всѣ были очень милы со мною. Я этого никогда не забуду. Позвольте мнѣ прислать вамъ Прованскихъ винныхъ ягодъ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и обернулся, чтобы взглянуть еще разъ на Распиньяка.

— Прощай, дражайшій Евгенийъ! сказалъ онъ печальнымъ и ласковымъ голосомъ, кошорый сославлялъ совершенную прошивополож-

носпь съ грубымъ пономъ прежнихъ рѣчей его. Я оставляю себѣ преданнаго друга!

Не смотря на кандалы, онъ спалъ въ позিশурѣ фехшовальщика, и вскричалъ: — Разъ! два! и выпалъ.

— Если случится себѣ бышь въ нуждѣ, адресуйся къ нему. И онъ самъ, и деньги его, къ твоимъ услугамъ.

Эти слова понятны были только для него и Распиньяка. Когда жандармы ушли, Сильвия, опширавшая укусомъ госпожу свою, сказала, посмопрѣвъ на жильцовъ: — Вотъ былъ удалецъ! — Это восклицаніе прекрапило оцѣпененіе, какъ - бы волшебствомъ наведенное на всѣхъ предъидущую сценою. Жильцы поглядѣли другъ на друга и попомъ всѣ въ одно время взглянули на дѣвицу Мишоно. Она си-

дѣла, прижавшись къ камину и пошупивъ глаза. Изъ всѣхъ успѣвъ раздался одинаковый, согласный ропотъ. Мишоно слышала его, и сидѣла, какъ прикованная. Біаншонъ первый нагнулся къ сосѣду, и сказалъ ему вполголоса: — Я не намѣренъ сюда ходишь, если она будетъ съ нами обѣдать.

Всѣ, за исключеніемъ Поаре, единодушно приняли предложеніе Біаншона, и онъ подошелъ къ пріятелю старой Мишоно.

— Вы съ нею дружны: посоветуйте ей обратиться отсюда сей часъ же.

— Сей часъ же! вскричалъ Поаре, и сказалъ мамзель Мишоно нѣсколько словъ на ухо.

— Да я заплашила впередъ! опивъчала она вслухъ, бросивъ змѣиный взглядъ на присутствующихъ. Я здѣсь за свои деньги.

— За эшимъ дѣло не спанешъ, сказалъ Распнвьякъ: мы сложимся; и опдадимъ вамъ шо, чшо вы заплашили уе Г-жѣ Воке.

— Вы, сударь, кажешся, вступашесь за Коллена? опвѣчала она, бросивъ на него испышующій взглядъ разъяренной змѣи. Не мудрено угадашь опъ чего!

Евгеній вскочилъ со стула, какъ будто хотѣвъ задушить сыщицу.

— Оставь ее! закричали ему сшуденшы: не споншь рукъ марашь!

Распнвьякъ сложилъ руки, и не сказалъ ни слова.

— Однакъжъ надобно кончить съ эшой шпіонкой, сказалъ молодой живописецъ. Мадамъ Воке, если вы сейчасъ же не выгоните ее изъ дому, мы перешанемъ ходить къ вамъ, и будемъ вездѣ говорить, чшо у васъ живущъ шпіоны и каноржники. Въ противномъ случаѣ,

мы общаемся молчасть объ эпомъ происшествіи, которое, впрочемъ, можешъ случиться вездѣ, пока кашоржниковъ не спануть клѣймишь въ лобъ.

Шумъ и явное раздраженіе всѣхъ молодыхъ людей принудили Мишоно решироваться. Она вспала, и, переговоривъ съ Г-жею Воке въ полголоса, сказала вслухъ: — Я переѣзжаю къ Г-жѣ Бюно, вашей. . . .

— Да переѣзжайше куда вамъ угодно! вскричала Г-жа Воке, оскорбленная выборомъ дома ея соперницы. Переѣзжайше, пожалуй, къ Бюно. Она будешъ васъ кормишь пухлымъ мясомъ и поишь кислымъ виномъ.

Въ эту минушу вошелъ аршельщикъ, и подалъ Г-жѣ Воке письмо: она прочла его, и въ опчаяніи упала на спуль.

— Боже мой, пропала я, грѣшная! Молодой Тальферъ умеръ въ при

часа. Г-жа Купюръ и Викторина перебувають своихъ вещей. Онъ остающагося жиеть у спарика. Четыре кварширы нустыя! Пястью жильцами меньше! Что за несчастіе сегодня на меня опрокинулось?

Она гошова была плакать. На улицъ раздался спукъ карешы.

— Опяшь какія нибудь шпуки! вскричала Сильвія.

Въ комнату вбѣжалъ Г. Горіо, съ свѣтлымъ лицомъ, съ выраженіемъ истиннаго благополучія во всей физиономіи.

— Горіо пріѣхалъ въ фіакръ? Вскричали жильцы. Видно конецъ свѣсна пришелъ.

— Горіо подошелъ прямо къ Евгению, котораго сидѣлъ, задумавшись, въ углу. Спарикъ взялъ его за руку.

— Поѣдемше вскричалъ онъ ему съ радостнымъ видомъ.

— Вы не знаете, что случилось? сказалъ Распшньякъ. Нашъ Вопрень былъ бѣглый капоржникъ; молодой Тальферъ умеръ.

— Какая намъ до этого надобность! Наша новая квартира готова. Дельфина съ нами обѣдаешь. Поѣдемъе скорѣе.

Онъ схватилъ Евгенія за руку, пошацилъ его, и увезъ какъ любовницу.

— Обѣдаешь! вскричалъ живописецъ.

Всѣ съли. Г-жа Воке не имѣла силы сказать ни слова, увидѣвъ, что за споломъ десятъ человекъ, вмѣсто осмнадцати. Всякой спаралея уцѣшипъ ее и развеселилъ. Разговоръ сначала шелъ о Вопрень и необыкновенныхъ происшествіи-

яхъ, случившихся въ эпопѣй день, пошомъ, какъ обыкновенно, началъ измѣняться, спруишься, змѣишься, обратился на дуэли, на каморжпую рабошу, на шюрьмы, на судебную часпъ, на законы; пошомъ уже совсемъ перемѣнился: о Колленъ, Викпоринъ и ея брашъ не было и помину. Гостей было только десяперо, и они кричали за двадцашерыхъ. Обыкновенная беспечность эгоистическаго свѣша воспоржешвовала надъ другими чувспвами, и сама Г-жа Воке спала слушапъ голосъ надежды, говорившей ушнами Сильвин.

Для Евгенія эпопѣй день долженспвовалъ бытъ волшебнымъ до самаго вечера. Сидя въ фіакръ подлѣ старика Горіо, онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается и не могъ собрашья съ мыслями. Ему казалось, что онъ во спѣ слышптъ,

что говорилъ ему Горіо, который былъ чрезвычайно веселъ.

— Сего дня все кончено. Мы объедаемъ вмѣспѣ, впроемъ: понимаемъ ли, вмѣспѣ. Боже мой, вопѣ ужъ чепыре года, какъ я не объдывалъ съ моею Дельфиною. Она пробудешъ у насъ цѣлый вечеръ. Мы ужъ съ ушра на нашей новой кварширѣ. Уфѣ какъ я работалъ! Самъ помогалъ таскать мебели. Вы не знаете, какъ она мила за споломъ! Она будешъ занимашся мною: »Возьмите еще кусочекъ, бапиюшка! покушайте! Это очень хорошо! « А шупѣ я и не могу ѣспѣ.

— Да сегодня весь свѣспѣ вверхъ дномъ! сказалъ Евгеній.

— Какое вверхъ дномъ? Напрощивъ. Только и видишь веселыя лица. Я примѣшилъ, что на улицахъ всѣ чему-то радующся, обни-

маются; всѣ эти люди счастливы, какъ будто собирались объдашь у своей дочери. . . . Она сама при мнѣ заказывала кушанье. Увидите, какъ она будетъ меня подчиваешь!... О, Боже мой, да съ ней и черствый хлѣбъ показался бы мнѣ райскою манною!

Распиньякъ вошелъ въ небольшую, но прекрасно меблированную квартиру, гдѣ роскошь, изящность и удобство соединили всѣ усилья, чшобъ хорошо приняшь молодого человѣка на новосельѣ и пріятно жишь съ нимъ впослѣдствіи холосшымъ семействомъ, Баронесса Нюсингенъ уже ихъ шущъ ожидала, и встрѣшила отца прелесшнымъ поцѣлуемъ, — его пріятеля торжественною улыбкою счастья. Она называла эти покои квартирою бапюшки. Горіо называлъ ихъ квартирою Евгенія. Евгенийъ покрасцѣлъ,

или покрайней мѣрѣ долженъ былъ покрасѣшь, не смотря на свое восхищеніе, при мысли, что онъ послушаетъ въ распоряженіе этой женщины. Но какъ бы то ни было, они все шрое провели вечеръ въ упоеніи: они обѣдали, смѣялись, рассказывали. Горю цѣловаль ноги своей дочери и прыгалъ съ радостью; дочь нѣжно пожимала руку Евгенія, который смотрѣлъ ей въ глаза огнемъ и пламенемъ. Они разошлись довольно поздно. Баронесса уѣхала домой; Горю и Евгенийъ воропились къ мадамъ Воке, условившись перебраться послѣ завтра на новую квартиру.

На другой день, около полудня, Распиньякъ получилъ письмо въ красивомъ конвертѣ и съ гербомъ Босеановъ, на печати. Въ немъ было приглашеніе господину и госпожѣ Шюсцингенъ на большой балъ къ

виконшестъ, о копоромъ уже съ мѣсяць говорили. Съ билетомъ была записка къ Евгению.

»Я увѣрена, что вы охотно примете на себя передать Г-жѣ Нюсингенъ мое приглашеніе; мнѣ очень пріятно будете видѣть у себя милую сесипру графини Ресто. Посылаю вамъ билетъ. Поспѣрайшесь только, чтобы она не овладѣла всею вашею привязанностью, потому что вы и мнѣ должны сколько нибудь ею за мое къ вамъ расположеніе.

Виконтесса Боссанъ.

Однакожь она довольно ясно говоритъ, сказалъ Распишьякъ, перечитывая записку: что ей бы не хотѣлось видѣть у себя господина Нюсингена.

Онъ побѣжалъ къ Дельфинѣ, радуясь, что можешь доставить ей удовольствіе, за которое, конечно, послѣдуешь награда; Г-жа Нюсингенъ была въ ваннѣ. Распиньякъ остался въ будуарѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ очень естественнымъ въ молодомъ человѣкѣ, который гошовишя принялъ въ первый разъ во владѣніе женщину любимую, предметъ его давнишнихъ желаній.

— Барыня въ своей комнатѣ сказала ему черезъ нѣсколько времени Тереза.

Онъ запрепешалъ отъ радости. Дельфина небрежно лежала на софѣ у камина. Она была покрыта волнами кисси, и ея не лзя было не сравнить съ однимъ изъ шѣхъ Индѣйскихъ распеній, которыхъ плодъ находится въ самомъ цвѣткѣ.

— Такъ это вы? сказала она съ чувствомъ.

— Угадайте, что я вамъ принесъ
сказалъ Евгеній, сѣвъ подлѣ нея на
софу и поцѣловавъ ея руку.

Г-жа Нюсингенъ вздрогнула отъ
радости, взглянувъ на приглашеніе.
Она обрапила на Евгенія наполнен-
ные слезами глаза, и обвилась ру-
ками вокругъ его шеи, чшобы при-
влечь его къ себѣ, въ восшоргѣ удо-
влетвореннаго щещеславія.

— И это вы? (шы, сказала она
ему на ухо: но будь оспороженъ,
Тереза въ этой комнатѣ). Вы до-
спавили мнѣ это счастье? Я вамъ
обязана болѣе, чѣмъ жизнию. Никто
до сихъ поръ не хошѣлъ предста-
вить меня въ этомъ заколдован-
номъ свѣтѣ. Я вамъ должна ка-
заться очень мелочною, очень въ-
преною, совершенною Парижанкою;
но я гошова всѣмъ для васъ пожер-
пвовашь, и мнѣ хочешся бытъ въ

БОЛЬШОМЪ СВѢПѢ ВСЕГО БОЛѢ ПО
ШОМУ, ЧНО ВЫ ТАМЪ ЖИВЕТЕ.

— Не правда ли, госпожа Босепъ,
какъ будто говоришь, что она не
хочетъ, что бы вашъ мужъ былъ
у нея на балѣ?

— Кажется! Эти женщины одарены гениемъ для наглостей. Нужды нѣтъ. Я поѣду. Я знаю, что сеспра моя тамъ будетъ, и что она приготовила себѣ платье, усыпанное брилліансами. Она ѣдетъ туда, чтобы разсѣять ужасныя подозрѣнія. Вы не знаете, какіе слухи ходятъ объ ней по городу! Г. Нюсингенъ сказывалъ мнѣ сегодня упрямъ, что вчера въ коммерческомъ клубѣ объ этомъ говорили вслухъ. Боже мой, онъ кого зависилъ честь женщины и семействъ! Мнѣ было больно за сеспру. Увѣряютъ, что Г. Траль надавалъ векселей на сто тысячъ, что сроки

ИХЪ ПОЧТИ ВСѢ ВЫШЛИ, И ЧТО ИХЪ ХОПЯНШЪ ПОДАШЪ КО ВЗЫСКАНІЮ. ВЪ ЭТОЙ КРАЙНОСТИ СЕСТРА МОЯ ПРОДАЛА СВОИ БРИЛЛІАНШЫ, ПРЕКРАСНЫЕ БРИЛЛІАНШЫ, КОШОРЫЕ ДОСПАЛИСЬ ЕЙ ОНЪ МАШЕРИ ЕЯ МУЖА. ДВА ДНЯ ТОЛЬКО ОБЪ ЭТОМЪ И ПОЖКУЮШЪ. РАЗУМѢЕТСЯ, ЧТО НА БАЛѢ ОНА БУДЕШЪ ЗАЛІША ВЪ БРИЛЛІАНШАХЪ, ЧТОБЫ НЕ ОПРАВДАШЪ ПОЛКОВЪ. НО Я НЕ ХОЧУ ОНЕСШАШЪ ОНЪ НЕЯ. ОНА ВСЕГДА СПАРАЛАСЬ УНИЗИТЬ МЕНЯ; ОНА НИКОГДА НЕ БЫЛА ДОБРА КО МНѢ, ХОТЯ Я ЧАСТО ОКАЗЫВАЛА ЕЙ УСЛУГИ. У МЕНЯ ВСЕГДА БЫЛИ ДЕНЬГИ, КОГДА ЕЙ БЫЛА НУЖДА. НО ОСТАВИМЪ СВѢШЪ. СЕГО ДНЯ Я ХОЧУ ДУМАШЪ ТОЛЬКО О МОЕМЪ БЛАГОПОЛУЧІИ,

ВЪ ЧАСЪ ПО ПОЛУНОЧИ РАСПИНЬЯКЪ БЫЛЪ ЕЩЕ У Г-ЖИ НЮСИНГЕНЪ. ПРИ ПРОЩАНЬИ, КОШОРЫЕ БЫЛО ШЯГОСНО, ОНА СКАЗАЛА ЕМУ СЪ ЗАДУМЧИВЫМЪ ВИДОМЪ. — Я УЖАСНАЯ ПРУСИХА, СУЕ-

вѣрка или что вы хошите: я спрахъ боюсь, что за мое благополучіе должна буду заплашишь какимъ нибудь несчастіемъ. . . .

— Ребенокъ! вскричалъ Евгенийъ.

— Да, сегодня я была наспоющій ребенокъ! сказала она смѣясь.

Евгенийъ возвратился въ домъ. Г-жи Воке, и дорогой предавался восхищительнымъ мечтамъ, копоры всегда веселяшъ молодыхъ людей, когда вкусъ блаженства у нихъ еще на губахъ.

— Ну что? сказалъ ему старикъ Горіо, когда Распиньякъ проходилъ мимо его дверей.

— Завпра я все вамъ расскажу, опвѣчалъ Евгенийъ.

— Смопріше-же все! Ложись! съ завпрашняго дня мы заживемъ счасливо.

На другой день Распиньякъ, уложивъ всѣ свои вещи, поручилъ шаррику Горіо перевезти ихъ вмѣстѣ съ его вещами, и самъ опправился на лекцію. Онъ не долго оспавался въ классѣ. Вспомнивъ, что забылъ спряшать что-то въ сундукъ, онъ ускользнулъ вскорѣ послѣ переклички, и побѣжалъ на шарую кварширу. Въ домѣ, кромѣ Сильвіи и шарика Горіо, ровно никого не было. Едва онъ вышелъ какъ на улицѣ раздался стукъ экипажа, оспанавливающагося у самыхъ дверей дома Г-жи Вокс. Изъ кареты выскочила Г-жа Нюсингенъ, и, спросивъ, шутъ ли еще отецъ ея, побѣжала прямо въ комнашу опца. Евгенийъ былъ въ своей комнашѣ, хотя Горіо и не зналъ этого. Двери обѣихъ комнашъ были опворены въ корридорѣ.

Баронесса, узнавъ, что можешъ

смѣло говоришь вслухъ, потому что всѣ ушли со двора, бросилась въ объятія отца, и вскричала, что она несчастна, что все пошерьцо. Евгенийъ спалъ прислушиваясь къ ихъ разговору, который вполне объяснилъ ему затруднительное положеніе его возлюбленной. Пресѣдуемый адвокатомъ спарика Горіо, который пребовалъ разлуки супруговъ относительно къ имѣнію и внесенія въ банкъ приданого Дельфины на собственное ея имя, Г. Юснгеръ пришелъ по упору къ женѣ съ двумя огромными книгами, показалъ ей откровенно состояніе своихъ дѣлъ, и присоветовалъ, что, если она съ отцемъ спанушъ по-нуждашь его внести приданое, онъ неминуемо долженъ будетъ объявить себя несостоятельнымъ. Онъ употребилъ ея приданое на разные спекуляціи; чрезъ два или три года

онѣ принесушъ ему большія выгоды, и тогда онѣ охотно возвратитъ ей всю полученную за ней сумму; но въ эту минушу, испытавъ большія пошери въ своихъ оборотахъ, онѣ находится въ такомъ положеніи, что малѣйшее противное общомятельство вовлеченъ его и ее въ конечное разореніе. Если она не хочетъ лишиться всего своего приданаго. То должна еще нѣсколько лѣтъ жить съ нимъ благовидно, и довольствоваться нѣмн деньгами, которыя онѣ будетъ отпускашъ ей только на необходимыя издержки. Чшобъ не уронишъ своего кредита, имѣ не остается другаго средства, какъ выказывашъ наружно достапокъ, но за то внутри семейства соблюдать спрожайшую бережливостъ. Вотъ шайна, почему онѣ былъ такъ екупъ для ней въ послѣднее время!

Онъ изъ экономіи, оппустилъ даже свою акпрису, и совѣтуешъ ей подражать его умѣренности; а что касается до прочаго, шо она можешъ считать себя совершенно свободною. . . .

Старикъ Горіо бѣсился, и кричалъ, что онъ свернешъ шею этому мошеннику; Дельфина плакала, и говорила, что надобно подчиниться жестокой необходимости; въ оледенѣломъ умѣ Евгенія всѣ его красныя мечны о богатствѣ, обѣщанномъ любовію, поспешенно блѣднѣли, рѣдѣли и исчезали, какъ признаки въ глазахъ духовидца, которому пустили кровь изъ обѣихъ рукъ.

Еще карета остановилась у дома Г-жи Воке, и на лѣспницѣ слышался голосъ графини Ресто, кою Бая спрашивала Сильвію, до-

ма ли бапюшка. Это обстоятельство спасло Евгенія: Дельфина полько-что хопѣла войши въ его комнапу, и онъ собирался уже броситься на поспель, чтобы показать, будто онъ спалъ и не слышалъ разговора Г-жи Нюсингенъ съ опцемъ. Дельфина вдругъ ошановилась.

— Ахъ, бапюшка! сказала она, услышавъ голосъ сеспры: вы ничего не слыхали объ Анаспасіи? Говорятъ, что и у ней въ домъ дѣлаются спранныя вещи.

— Что такое? Вы меня сгубите! Я не вынесу двойнаго несчастья.

— Здравствуйше, бапюшка! сказала Г-жа Ресто, входя въ комнапу. Ахъ, вы здѣсь, Дельфина?

— Это тебя удивляетъ? Я всякой день бываю у бапюшки.

— Съ копорыхъ поръ?

Если бь ты сама бывала здѣсь, то знала бы это.

— Не серди меня, сказала графиня жалостнымъ голосомъ. Я очень несчастлива! Я погибла, бапюшка. Охъ я шеперь уже рѣшительно погибла.

— Что съ тобою, Наспинька? вскричалъ Горіо. Скажи мнѣ откровенно. Боже мой, она блѣднѣетъ! Дельфина помоги ей. О, люби ея, Дельфина, я за это тебя буду любить, если можно, еще больше.

— Бѣдная Анаспасія! сказала Г-жа Шюсингентъ, сажая сестру. Говори; никто не любитъ тебя такъ какъ мы двое; на насъ ты можешь всегда положиться. . . .

Она дала ей попохашь спиртъ, и графиня пришла въ себя.

— Это меня уходишь, сказалъ Горіо. Подойдише сюда, продолжалъ онъ, подвигаясь къ камину. Мяѣ что-то холодно. Что съ тобою случилось, Анастасія? Говори скорѣе, ты меня убиваешь. . . .

— Бапюшка! мужъ мой все знаетъ! . . .

Она рассказала ему, что Г. Ресто узналъ не только объ ея связи съ графомъ Тралемъ, но и о томъ, что она заложила Госбеку фамильные брилліаншы, чшобъ заплашишь долги любовника. Г. Ресто тайно выкупилъ эти брилліаншы у ростовщика, овладѣлъ любовною ея перепискою, уличилъ, испоргъ у ней признаніе, и спорое изъ ихъ дѣшей принадлежишь ему непосредственно, и предосхавилъ

— Это тебя удивляетъ? Я всякой день бываю у бапюшки.

— Съ которыхъ поръ?

Если бь ты сама бывала здѣсь, то знала бы это.

— Не серди меня, сказала графиня жалостнымъ голосомъ. Я очень несчастлива! Я погибла, бапюшка. Охъ я теперь уже рѣшительно погибла.

— Что съ тобою, Наспинька? вскричалъ Горю. Скажи мнѣ откровенно. Боже мой, она блѣднѣетъ! Дельфина помоги ей. О, люби ее, Дельфина, я за это тебя буду любить, если можно, еще больше.

— Бѣдная Анастасія! сказала Г-жа Нюсингентъ, сажая сестру. Говори; никто не любитъ тебя такъ какъ мы двое; на насъ ты можешь всегда положиться. . . .

Она дала ей попоухать спиртъ, и графиня пришла въ себя.

— Это меня уходишь, сказалъ Горіо. Подойдише сюда, продолжалъ онъ, подвигаясь къ камину. Мнѣ что-то холодно. Что съ тобою случилось, Анастасія? Говори скорѣе, ты меня убиваешь. . . .

— Батюшка! мужъ мой все знаетъ! . . .

Она рассказала ему, что Г. Ресто узналъ не только объ ея связи съ графомъ Тралемъ, но и о томъ, что она заложила Госбеку фамильные брилліанты, чтобъ заплатить долги любовника. Г. Ресто тайно выкупилъ эти брилліанты у ростовщика, овладѣлъ любовною ея перепискою, уличилъ, и торгъ у ней признаніе, которое изъ ихъ дѣшей принадлежишь ему непосредственно, и предославилъ

ея выбору, или шопчасъ переве-
сши все свое приданое на имя эшого
ребенка и ковчиль дѣло безъ огла-
ски, безъ срама для другихъ дѣшей
ея, или иди съ нимъ въ судъ, по-
шеряшь собственность своего до-
стоянія законнымъ порядкомъ и по-
крышь безчестіемъ себя и свое по-
помство.

— Не переводи приданаго! кри-
чалъ Горіо въ оичаяніи: не перево-
ди! Я убью эшого мерзавца, копо-
рый смѣетъ обижать дочь мою,
будь онъ Респо сто сорокъ ты-
сячь разъ!

Г-жа Респо прибавила, рыдая,
чно не здѣсь еще предѣль ея бѣд-
ствіямъ: она шеперь и не смѣетъ
просить денегъ у мужа, а ей ме-
жду-шѣмъ крайняя нужда въ день-
гахъ. У своей горничной заняла она
тысячу франковъ, чшобъ запла-

пишь за плашье на балъ виконшессы Босеанъ, а шупъ еще не доспашь двѣнадцати тысячъ для уплашы векселей Максима, — и его завпра посадишь въ шюръму!... Нѣтъ ли у бацюшки двѣнадцати тысячъ? Старикъ сказалъ печально:

— У меня нѣтъ ихъ, Наспинька! Ничего, ровно ничего нѣтъ! Боже мой, конецъ свѣта наступилъ!.. Поспой, у меня есть мои серебряныя пряжки и шестъ серебряныхъ приборовъ, первые, которые я въ жизнь свою купилъ. Сверхъ-того, у меня только и есть, что тысяча двѣсти франковъ пожизненно...

— Куда же дѣвались ваши непрерывныя доходы?

— Я ихъ продалъ, оставивъ себѣ только скудное пожизненное содержаніе. А вопъ еще теперь

тринадцать тысячъ франковъ нужны были для того, чтобы убрать конюшны, по желанію Дельфины.

— У себя дома? сказала Г-жа Ресшо сесиръ.

— Какая тебе надобность! опивчалъ Горіо. Дѣло въ томъ что мои послѣднія тринадцать тысячъ испрачены.

— О, я угадываю! сказала графиня. Для Г. Распичьяка! Ахъ, Дельфина, османовись! Посмотри, до чего я дошла!

— Г. Распичьякъ не такой человекъ, чтобы разорить свою любезную. . . .

— Очень благодарна тебе, Дельфина! Я надеялась, что ты не сманешь обижать меня, когда я въ несчастіи. Но ты всегда была шаква; ты никогда меня не любила.

— О, нѣтъ, нѣтъ, она тебя очень любитъ! вскричала Горю. Мы сейчасъ только о тебѣ говорили; она утверждала, что ты прекрасна, а она только что хороша.

— (Бѣдный старикъ лжешъ! сказалъ про себя Распильякъ.)

— Она отвѣчала графиня. Она настоящая льдина! Она никого не любитъ.

— А еслибъ и такъ, Анастасія, вскричала Дельфина, пограснѣвъ. Вспомни только, какъ ты со мною поступала. Ты не хотѣла знашься со мною, ты заперла для меня всѣ дома, въ которыхъ мнѣ хотѣлось бышь. Ты никогда не пропустила ни малѣйшаго случая огорчить меня! Я не выманивала у батюшки, какъ ты, по тысячѣ франковъ, всего что у него было, и не я довела его до нищеты. Это

все ты сдѣлала. Я не указывала бабюшкѣ дверей, и не приходила попомъ лизать ему руки, когда имѣла въ немъ надобность. Я не выпрашивала у него послѣдняго гроша. Я совсѣмъ и не знала, что бабюшка испрашилъ свои послѣднія принадлежательскія вещи . . . для меня.

— Она лжешь! подумаль Распиньякъ.

— Ты была счастливѣе меня. Г. Марсе богатъ, въ состояніи самъ трапить деньги для своихъ возлюбленныхъ, и ты это знаешь по опыту. Прощай; у меня нѣтъ ни сестры, ни

— Молчи! вскричалъ старикъ.

— Только, такая сестра, какъ ты можешь повпорять то, чему и свѣтъ давно уже не вѣришь! Ты чудовище! сказала Дельфина.

— Фифинька! Наспинька! вскричалъ Горіо въ опчаяніи. Молчите; ради Бога, молчите! Или я при васъ заръжусь! . . .

— Анастасія! я прощаю тебя, ты въ несчастіи, сказала Дельфино. Я добрѣе шебѣ. Сказашь это въ такую минушу, когда я хопѣла пособить шебѣ, когда я гошова была на все для тебѣя, рѣшилась бы даже просить своего мужа, чего я не дѣлала ни для себя, ни для. . . ! О, это достоѣно прежнихъ твоихъ поступковъ со мною!

— Дѣпи мои, милья дѣпи, обнимись; ради Бога, обнимись! вскричалъ Горіо.

— Нѣпъ, балюшка нѣпъ, отвѣчала Г-жа Ресто, опшалкивая опца, который обнялъ ее, чтобы подвесить къ Дельфинѣ. Она со мной безжалостнѣе моего мужа.

— Пусишь ужь лучше думаюшь, что я должна Г. Марсе, сказала баронесса: чѣмъ говоряшь, что Г. Трааль спонши мнѣ болѣе двухъ сотъ тысячъ.

— Дельфина! вскричала графиня, подойдя къ ней.

— Ты не меня клеветишь, а я говорю тебѣ правду, ошвѣчала хладнокровно баронесса.

— Дельфина знаешь, кто ты такая. . . .

Старикъ вскочилъ, и зажалъ ей ротъ рукою.

— Охъ! сказалъ онъ, садясь опять на свое мѣсто: вы раздираете мнѣ сердце. Я скоро умру, мои дѣтки. Голова у меня горитъ, какъ-будто въ ней были раскаленные угли. Будете добры, любите другъ друга! Иначе вы меня погубите. Дель-

Фина, Наспинька, полноше! Ну, вы обѣ правы, обѣ виноваты. Послушай, Ффинька: ей надобно двѣнадцать тысячъ франковъ. Не можешь ли какъ нибудь сыскашь ихъ?... Не смотрите этакъ другъ на друга?

Она спала предъ Дельфиною на колѣни.

— Дельфина, ангель мой! попроси у ней прощенія, если ты меня любишь: она несчастіе шебя!

— Наспинька! сказала Г-жа Нюсигенъ, усмопрѣвъ дикое безумное выраженіе горести на лицѣ опца: я виновата передъ шобою; обвини меня. . . .

— О, Богъ шебя наградишь за эшо, Дельфина! . . . Но ей надобно двѣнадцать тысячъ франковъ. Гдѣ взять ихъ? Я наймусь за кого-нибудь въ рекрушы.

— Башюшка! что вы говорите?
вскричала объ дочери.

— Богъ наградитъ васъ за эту
мысль, сказала Дельфина: нашей
жизни на это не спанешъ.

— Это была бы капля въ моръ,
прибавила графиня.

— Такъ развѣ уже и кровь моя
ни на что не годна? вскричалъ
старикъ опчаянно. Я опдаюсь ду-
шею и шѣломъ тому, кто спасетъ
меня, Настинька. Если нужно, я
убью за него человѣка. Я поступи-
лю какъ Воопренъ, пойду за него
въ каторгу. Я.

Онъ оспановился, какъ-будто по-
раженный громомъ:

— У меня ничего не оспалось!
вскричалъ онъ, вырывая свои воло-
сы. Если бъ я зналъ, гдѣ укрась!...
Невозможно. Для этого надобно и
проворство и время. Нечего дѣ-
лать, надобно умереть; мнѣ ос-

паепся шолько умерепь. Я ни къ чему уже не гожусь. Я больше не опець! Дочь у меня просипь, а мнѣ нечего дапь! Я уже не опець! Ты думаль о себѣ, злодѣй, вскричалъ онъ, ударивъ себя въ грудь: а ты забыль, что у шебя еспь дочери! Теперь умирай, околѣвай, какъ собака; ты хуже всякой собаки!... Боже мой, я съ ума схожу, голова у меня горипь!

— Но бапюшка! вскричали объ дочери, держа его, чтобы не дапь ему ударипься головой объ стѣну: батюшка, будте благоразумнѣе, успокойтесь!

Онъ рыдалъ. Евгеній, слышавшій все это изъ другой комнапы, выхвипилъ изъ бумагъ своихъ вексель возвращенный ему Вопреюмъ, написалъ на немъ 13,000 вмѣсто 3,000, на копѣрые былъ онъ выданъ, и молніей впешѣлъ въ комнапу Горіо.

— Вотъ нужныя вамъ деньги, сударыня! сказалъ онъ, подавая бумагу госпожѣ Респю. Я спалъ въ моей комнашѣ; разговоръ вашъ разбудилъ меня, и такимъ образомъ я узналъ, чѣмъ обязанъ Г ну Горіо, и сколько ему долженъ. Вотъ вексель: не угодно ли вамъ продать его? Я заплачу въ срокъ.

— Нѣсколько мгновеній, графиня, молча и неподвижно, держала вексель, вбихный ей въ руки Распиньякомъ.

— Дельфина! сказала она блѣднѣя и дрожа отъ гнѣва, отъ бѣшенства, отъ ярости. Богъ свидѣтель, что прежде я тебѣ все простила; но это. . . . Это ужь слишкомъ! Онъ былъ шустъ, ты это знала, и ты унизила до того, что опомнилась мнѣ, предавъ ему все мои шайны, мою жизнь, жизнь дѣшей моихъ, мой стыдъ, мое безчестіе!...

Ты не сестра мнѣ. Я тебя ненавижу; я проклинаю тебя; я всю жизнь буду мстить тебѣ! . . .

Гитвъ пресѣвъ ея голосъ; въ горль у ней засохло.

— Но онъ сынъ мой, онъ дитя мое, мое любезное дитя, швой брашъ пивой спаситель! кричалъ Горю. Обними его, Наспинька! Смотри, какъ я его обнимаю, сказалъ онъ, и съ судорожнымъ движеніемъ прижалъ Евгенія къ груди. О, я буду опцемъ швоимъ, вѣмъ на свѣшъ для шебя! Если бъ эшо было въ моей власши, я бы весь свѣшъ бросилъ къ ногамъ швоимъ! Поцѣлуй же его, Наспинька: эшо не человекъ, ангель,—насполяцій ангель! . . .

— Оснавъ ее, батюшка; она теперь съумасшедшая, сказала Дельфина.

— Съумасшедшая? А пы кпо
шакая? . . . вскричала графиня.

— О, я умру, если вы не пере-
спанете! вскрикнуль Горіо, упавъ
на посшель, какъ-будно поражен-
ный пулею.

— Онъ меня убили, сказалъ онъ
самъ себѣ.

Графиня взглянула на Евгенія, ко-
торый спояль неподвижно, пора-
женный ужасною сценою.

— Вы сударь. . . . сказала она,
вопрошая его жестомъ, взглядомъ,
выраженіемъ голоса, пока Дельфина
разспегивала жилетъ опца, копо-
рый упаль въ обморокъ.

— Графиня, я заплачу, и никпо
ничего не узнаешъ, опвѣчалъ онъ
не дожидаясь опвѣта.

— Ты убила башюшку! сказала
Дельфина, указывая сеспрѣ на опца.

Графиня убѣжала.

— Я не сержусь на нее, сказалъ спарикъ, открывъ глаза: положеніе ея ужасно; она хопь кого съ ума сведеть. Ушѣшай Наспивьку; будь добра къ ней обѣщай эшо умирающему онцу, сказалъ онъ, пожимая руку Дельфинны.

— Но что съ вами, бапюшка? спросила испуганная Баронесса.

— Ничего, ничего, эшо пройдетъ; у меня голова болить; эшо вѣрно мигрень. Бѣдная Наспивька! что ее ожидаетъ въ жизни?

Въ эшу минушу графиня возвратилась, и ушала передъ онцемъ на колѣни.

— Бапюшка, проспите меня! вскричала она.

— Охъ шеперь ты мнѣ дѣлаешь еще больше вреда, сказалъ онъ.

— Извинише меня, сударь! сказала она обращаясь къ Распиньяку, со слезами на глазахъ, и пропятавувъ къ нему руку: горесншь сдѣлала меня несправедливою.

— Наспешенька! сказала Дельфина, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ: милая моя Нини! забудемъ нашу ссору.

— О, вѣшь, сестрица! я никогда не забуду, что я была передъ тобою виновата.

— Какіе ангелы! Милыя мои, вы меня оживляете, вскричалъ Горіо: обнимитесь еще разъ.

— Ну, что жъ, Нини, поможеть тебѣ эшошь вексель?

— Я надѣюсь. Башюшка! шолько вы ни его подписали?

— Ахъ я дуракъ! Я и забылъ, что надобно надписать на оборотѣ: не сердись на меня, душенька.

Мнѣ было очень дурно. Извѣсти меня по-крайней-мѣрѣ, что хлопоты твои кончились. Или лучше я приду къ тебѣ. . . . Нѣтъ, нѣтъ, я не приду къ тебѣ; я не могу видѣть своего мужа; я бы задушилъ его на мѣстѣ. Спупай скорѣе домой, душа моя: только скажи Г. Тралю, чтобы онъ впередъ шакъ не промахывался; у меня уже ничего нѣтъ.

Евгеній споялъ какъ околдованный.

— Анастасія всегда была вспыльчива; но она добра, сказала Г-жа Нюсингенъ.

— Она возвратилась только для того, чтобы заставить отца сдѣлать необходимую надпись на вексель, сказалъ Евгеній Дельфинъ на ухо.

— О! неужели?

— Я бы хотѣлъ этого не думать, но дѣло очевидно. Не вѣрайшесь ей примолвилъ онъ, поднявъ глаза, какъ-будто передавая небу мысли, которыхъ не хотѣлъ высказать.

— Правда что она всегда была большая комедіанша. А бапюшка во всемъ ей вѣришь!

— Каково вамъ шеперь? сказалъ Распичьякъ сшарику.

— Мнѣ спать хочешся, опвѣчалъ онъ.

Евгеній помогъ ему лечь. Онъ заснулъ, держа Дельфину за руку.

Они ушли.

— Увидимся въ Ипальянскомъ шеапрѣ, сказала она: ты мнѣ скажешь тогда каково ему. Завтра вы, сударь, должны переѣхать на свою новую кварширу. Покажи-ка мнѣ твою прежнюю комнашу.

— О, какъ шебѣ шумѣ было скверно! вскричала она, входя въ комнату Распиньяка. Хуже чѣмъ у башюшки! Евгенийъ, ты хорошо поступилъ. Я бы спала любилъ себя послѣ этого еще больше, если бы только было возможно. Но послушай, мой милый: если ты хочешь бышь когда-нибудь богачъ, то не надобно бросать такимъ образомъ по принадаши тысячь за окно. Г. Траль игрокъ. Сесприца не хочешь этого видѣть. . . . Онъ бы могъ достать принадашь тысячь тамъ, гдѣ выигрываетъ и проигрываетъ золотыя горы.

Сшонъ вырвавшійся у старика, заставилъ ихъ возвратиться къ нему. Повидимому онъ спалъ; но подходя къ нему, Евгенийъ и Дельфина услышали слова: Онъ не знакомы со счастьемъ, бѣдняжки!

Эти грустные звуки такъ поразили Г-жу Нюсингенъ, что она нагнулась къ опцу, и поцѣловала его въ лобъ.

— Это ты, Дельфина? спросилъ онъ, открывая глаза.

— Каково вамъ, бапюшка?

— Хорошо, сказалъ опъ. Не безпокойся, душенька. Я сейчасъ пойду со двора. Прощайте, дѣти мои; будьте веселы.

Евгеній проводилъ Дельфину домой, но, безпокаясь о Г-нѣ Горіо, не оспался у ней обѣдать. Возвращаясь въ домъ Г-жи Воке, онъ нашелъ спарика въ споловой. Біаншонъ приспально разсматривалъ лице спрадальца; потомъ махнулъ рукою.

— Сядь ко мнѣ, Біаншонъ, сказалъ Распиньякъ: что съ нимъ?

— Плохо! вѣрно онъ испыталъ какое-нибудь сильное потрясеніе, потому что съ нимъ скоро случился параличъ. Видишь, нижняя часть лица довольно спокойна, а верхнія чершы, прошивъ его воли, снѣгиваются ко лбу, и глаза находясь въ состояніи, которое показываетъ, что сукровица изливается въ мозгъ. Не правда ли, что они какъ-будто наполнены мелкою пылью? Завтра могу сказать шебъ болѣе.

— Есть ли какое-нибудь средство спасти его?

— Ни какого. Можно замедлить ударъ, производя прошиводѣйствіе въ оконечностяхъ; но если завтра къ вечеру эти признаки не измѣнятся, бѣдняку не быть въ живыхъ. Не знаешь ли ты, ошчего это съ нимъ сдѣлалось? Ему ни какъ нанесли сильный душевный

ударъ, противъ котораго сложеніе его не успоело.

— Да; у него были непріятности, ошвѣчалъ Распиньякъ, вспомнивъ съ ужасомъ, какъ жестоко обѣ дочери поражали сердце бѣднаго родителю. »По-крайней-мѣрѣ, говорилъ самъ себѣ Евгенийъ, Дельфина любитъ отца! «

Вечеромъ въ театрѣ, Распиньякъ, говоря Г-жѣ Юсннгенъ о состояніи отца ея, принялъ нѣкоторыя предосторожности, чшобъ ея не испугать. Но при первыхъ словахъ его, она сказала:

— Ахъ, не бойшесь за батюшку! Онъ здоровъ и силенъ; эшо пройдетъ. Сего дня ушромъ мы его немножко пошрясли. Наши имѣнія въ опасности. Вы можете вообразить, какъ эшо ужасно! Право, если бѣ меня не подкрѣпляла швоя привя-

заинтересованность, я бы не выдержала этого адского безпокойства. Теперь я боюсь только одного, — лишиться любви, которая показала мне счастье жизни. У меня теперь нет другого чувства: ко всему остальному я совершенно равнодушна, и кроме себя, друг мой, не люблю ничего на свете. Если мне хоть-лось бы быть богатой, то это только для того, чтобы больше нравиться себе.

Евгений молчал, пронувший или испуганный этимъ выраженіемъ чувства пламенющаго господжа Нюсннгенъ не знала какъ объяснить это молчаніе.

— Объ чемъ вы задумались? сказала она.

— Я еще слушаю, что вы мне говорили. До-сихъ-поръ я думала, что люблю васъ больше, чѣмъ вы меня.

Она улыбнулась, но постаралась скрыть свою радость, чтобы удержавъ разговоръ въ обыкновенныхъ границахъ приличія. Она никогда не слыхивала искреннихъ, доходящихъ до сердца, выраженийъ любви юной, и не въ состояніи была бы владѣть собою, если бы Евгеній сказалъ еще нѣсколько словъ.

— Вы видно не знаете, что въ свѣтѣ дѣлается? сказала она, перемѣняя разговоръ. Весь Парижъ будетъ завтра у Г-жи Босанъ. Рошгюды и Ажуда сговорились ничего не разглашать, но завтра король утверждаетъ ихъ свадебный договоръ, а кузина ваша ничего не знаетъ. Виконшессъ не лѣзя оплошавъ своего бала, а Г. Ажуда у ней не будетъ. Въ городѣ только объ этомъ и говорятъ.

— И есть люди, которыхъ смѣ-

шинъ подлоспъ? . . . Это убьешъ Г-жу Босеапъ!

— Итъшъ, не убьешъ. Вы не знаете этихъ женщинъ! присоветовала Дельфина, улыбаясь. Но весь Парижъ у ней буденъ, и всѣ меня шамъ увидяшъ. И я вамъ обязана этимъ благополучіемъ!

— Но можешъ-бынъ это пуспой слухъ?

— Завтра мы все узнаемъ.

Опера кончилась. Не знаю, гдѣ почеваль Евгенийъ. Но на другой день онъ пришелъ въ обѣденное время къ Г-жѣ Воке, и не нашель въ столовой ни Горіо, ни Біаншона. Ему сказали, что спарикъ очень боленъ и что студентъ медицины сидитъ у него. Евгенийъ пошелъ на верхъ.

— Добрый мой Біаншонъ! Мы вмѣстѣ будемъ ходитъ за нимъ.

— Я уже призывалъ старшаго врача нашего госпиталю.

— Ну что жъ?

— Онъ скажетъ что нибудь рѣшительное завтра вечеромъ. Онъ обѣщаль мнѣ прійти, по окончаніи занятій своихъ по службѣ. Къ несчастію, старикъ сдѣлалъ сегодня упрямъ какую-то неоспорожность, и не хочетъ признашья. Онъ упрямъ какъ козелъ. Когда я его спрашиваю, онъ притворяешся, будто не слышишь и спишь, чтобы не отвѣчалъ мнѣ, а если лежишь съ открытыми глазами, то принимаешся спонать. Поутру, онъ ходилъ куда-то пѣшкомъ, и бралъ съ собою все что у него есть порядочнаго. Видно онъ эшо продалъ, и ходьбою извурилъ себя. Одна изъ дочерей была здѣсь.

— Графиня? спросилъ Распиль-

якъ: высокая спройная, брѹнешка, съ блестящими глазами!

— Да, да.

— Оспавь меня съ нимъ. Я его допрошу. Мнѣ онъ все скажешъ.

— А я покуда пойду по объдаю. Только не превожь его: покуда еще есть надежда.

— Будь спокоенъ.

— Онъ завтра повеселяшся, мои милья, сказалъ Горіо, когда они оспались одни съ Езгеніемъ. Онъ будущъ на большомъ балѣ.

— Чшо жъ эшо вы сегодня упрромъ надѣлали, чшо шеперь при-
нуждены лежашъ въ постѣли?

— Ничего.

— Анастасія была у васъ спросилъ Распивьякъ.

— Да.

— Пожалуйспа не скривайте опь меня ничего. О чемь она еще вась просила.

— О! сказалъ Горіо, собираясь съ силами, чшобы въ состояніи бышь говоришь: она бѣдняжка очень несчастна. Съ шѣхъ порь какъ она продала брилліаншы, она совсѣмъ безъ денегъ. Для этого бала она заказала себѣ богашое плашье, шитое золошомъ и брилліаншами. Она, я думаю, будеть хороша въ немъ какъ ангель! Денегъ, заняшыхъ у горничной, было мало; негодная модиска не хопѣла повѣривъ ей въ долгъ восьми сошъ франковъ, узнавъ объ ся разрывѣ съ мужемъ. Бѣдная Наспинька! до чего она дошла! Балъ завшра, плашье гошово: вы можете вообразивъ, въ какомъ опчаяніи была Анасшасія. Она хопѣла заняшь у меня мои серебряные приборы, чшобы заложивъ ихъ.

Она мучилась какъ въ аду. Мужъ непременно хотѣлъ, чтобы она ѣхала на балъ вся въ алмазахъ, чтобы показанъ клеветникамъ, что фамильные брилліансы у нея, а не проданы. Какъ же она могла сказать этому чудовищу, что — я должна еще около тысячи франковъ, — и просить, чтобы онъ заплашилъ за нее? Невозможно! Я потчасъ это понялъ. Приодѣлся, принарядился и отправился со двора. Продамъ за шесть сотъ франковъ мои приборы и пряжки, заложилъ Гобсеку на годъ за чепыресна франковъ мой послѣдній билетъ непрерывнаго дохода, и вонъ тысяча франковъ у меня подъ подушкой. Мнѣ, право, какъ-то шеплѣе онъ того, что у меня подъ головою подарокъ, который обрадуетъ мою Наспивьку. Завтра мнѣ будетъ хорошо: Анастасія пріѣдетъ часовъ въ десять.

Я не покажу, что я боленъ; иначе онъ не поѣдутъ на балъ и захопятся оспаться со мною. Анастасія обниметъ меня какъ своего ребенка; я выздоровѣю опъ одного эшого. Вѣдь я же заплашилъ бы тысячу франковъ аптекарю; лучше же опдашь ихъ моей воскресительницѣ, Наспинькѣ. По крайней мѣрѣ она, бѣдняжка, весело проведетъ вечеръ. Мнѣ ужъ и по вчера было больно, что я не могъ дать ей дрянныхъ принадацати тысячъ. Но я скоро буду опять богатъ. Я снова примусь за торговлю, поѣду въ Одессу, закуплю пшеницы, которая намъ впрое дешевле чѣмъ у насъ; превращу ее въ крахмалъ и ввезу во Францію. Эти господа, которые пишутъ законы, запрещающа ввозъ иностраннаго хлѣба, ничего не сказали о ввозѣ иностраннаго крахмалу, а шого не знаютъ, что

изъ хлѣба можно сдѣлать крахмалъ, а изъ крахмалу муку. Вы видите, что я еще съумѣю веселить свои дѣла? . . .

— Бѣднякъ помѣшался! сказалъ самъ себѣ Евгеній.

На другой день Горіо было нѣсколько лучше. Графиня Респо не пріѣзжала: она прислала своего человека.

— Я думалъ, что она сама пріѣдетъ, сказалъ Горіо. Но, оно впрочемъ и лучше: бѣдняжка спала бы безпокоившись, прибавилъ онъ, показывая, буди по радъ этому.

Часовъ въ семь вечера Тереза привезла Евгенію письмо отъ Дельфины.

» Что съ побою сдѣлалось, другъ мой? Мы еще такъ недавно знакомы, а ты уже забываешь меня! О

нѣшь; душа пивоя такъ прекрасна, что ты не въ состояніи измѣнишь. Не забудь, я жду тебя, чтобы ѣхалъ на балъ къ Виконшессѣ Босеанъ. Бракъ Г. Ажуды точно утверждёнъ сегодня упрямъ, и бѣдная Г-жа Босеанъ узнала объ этомъ только въ два часа. Вечеромъ весь изящный Парижъ сполнился около нея, какъ простой народъ на Гревской Площади, когда кого-нибудь казнятъ. Не ужасно ли ѣхалъ сморѣшь, какъ она сносишь свое опечаленіе, и хорошо ли она умираешь! Я бы никакъ не поѣхала къ ней сегодня, если бы когда-нибудь была у ней; но она, вѣрно, уже не спанетъ принимая, и тогда всё мои усилія останутся безъ пользы. Я совсѣмъ не въ такомъ положеніи, какъ другіе. Да при томъ, я ѣду туда и для себя тоже. Я жду тебя. Если ты часа черезъ

два не будешь, я не знаю, прощу ли тебѣ это когда нибудь. «

Распиньякъ сейчасъ взялъ перо и написалъ:

» Я жду доктора, чтобы узнать, останется ли бапюшка вашъ въ живыхъ. Онъ при смерти. Я приду сказать вамъ, что рѣшилъ докторъ. Я очень боюсь, что принужденъ буду сказать вамъ печальную вѣсть. Тогда вы сами рѣшите, можете ли ѣхать на балъ. «

Докторъ пріѣхалъ въ половинѣ девянаго и сказалъ, что положеніе больного очень опасно, но что онъ проживетъ еще можетъ-быть, двое сутокъ. — Для него лучше было бы, если бъ онъ теперь же умеръ, сказалъ врачъ. — Евгений поручилъ несчастнаго попеченіямъ Біаншона, и онсправился къ госпожѣ Шюсннгень, чтобы сообщить ей

вѣспш, кошорья по его мѣнію, должны были сдѣлать забавы невозможными.

— Скажите ей отъ меня, что-бы она непременно ѣхала на балъ, вскричалъ Горіо, кошорый, повидимому былъ въ усыпленіи, но привспалъ и сълъ, когда Распшнъякъ уходилъ.

Евгеній прѣхалъ къ Дельфинѣ въ глубокой горести, а она была уже причесана и обуша; ей оставалось надѣшь только бальное платье.

— А вы еще и не одѣшы? сказала она.

— По, сударыня вашъ бапюшка. . . .

— Что вы меня наспавляете? вскричала она, прерывая его; я знаю мои обязанности въ опношеніи къ бапюшкѣ, Ни слова Евгеній; я слу-

шапъ ничего не хочу, пока вы не будете одѣшы. Возьмите мою карешу, спускайте и прѣзжайте скорѣе назадъ. Мы поговоримъ о бапюшкѣ дорогою, когда побѣдемъ на балъ! надобно ѣхать пораньше, потому что если кареша наша попадетъ въ ряды, то намъ и въ одинацать часовъ не удастся войти въ комнаты....

— Сударыня. . . .

— Побѣжайте! Ни слова больше. Она побѣжала въ уборную за своими брилліаншами.

— Да спускайте же, сударь! Вы право, разсердитесь барыню, сказала ему горничная.

Онъ поѣхалъ одѣваясь, дѣлая самыя горестныя размышленія. Ему казалось, что это общество какъ океанъ грозы, въ который человекъ совсѣщю погружается, коль

скоро спустишь въ него ногою. Онъ разпозналъ уже сердце Дельфины; онъ очень видѣлъ, что она въ соспояніи пройши на балъ по трупу оица. Потомъ началъ онъ полковашь самъ себѣ слова врача; началъ думашь, что Горіо, можешь бышь, не шакъ болешь; всячески старался увѣришь себя, что Дельфина еще очень извинишельна. Она не знаешь, въ какомъ соспояніи находится опецъ ея; да если бь и поѣхала къ нему, шо онъ самъ прогналъ бы ее на балъ.

— Ну чтожь? каковъ батюшка? спросила Дельфина, когда Евгенийъ возвращился въ бальномъ кесшюмѣ.

— Очень опасешь; и если вы хопише доказашь, что любише меня, шо поѣдемше къ нему.

— Хорошо, поѣдемъ, сказала она: но шолько послѣ бала. Любезный

мой Евгеній, будь умница, не дѣлай мнѣ правоученій; поѣдемъ скорѣе.

Они ошправились. Евгеній молчалъ почти всю дорогу.

— Чшо вы молчите? сказала она.

— Мнѣ слышишся смершное хрипѣніе вашего башюшки, ошвѣчалъ онъ съ сердцемъ.

И онъ принялся разсказывать съ пламеннымъ краскорѣчіемъ юноши звѣрской поспупокъ, къ которому тщеславіе побудило графиню Респю; смершельный переворотъ, произведенный эшимъ въ болѣзни Горіо, и чего будетъ сповишь плашье Анастасіа. Дельфина плакала.— Я подурнѣю ошъ эпого,» подумала она,— и слезы ея осушились.

— Я поѣду послѣ бала въ ба-

пошкѣ, и не опойду уже онъ его поштели, сказала она.

— А! вошъ шы шеперь шакова, какою миѣ хошѣлось шебя видѣшь, вскричалъ Расшншьякъ.

Фонари пяши сошъ кѣрешъ освѣщали окрешности дома Босеановъ. Посѣшншелей собралось столько, что въ комнашахъ пижняго эшажа прудно уже было пройши, когда Дельфина и Евгений прѣшхали. Прелесшншѣшя женщины загромождали залы цвѣшами и самыми изящными нарядами. Знашншѣшше придворные, миниспры, посланники, извѣшншѣшше люди во всѣхъ родахъ, исшешренныи звѣздами, крешами, лешами всѣхъ цвѣшовъ, шолпились вокругъ Виконшессы. Оркешпръ оглашалъ очаровашельными звуками раззолоченныи покои эшого дворца, для нея пустаго. Она

стояла въ первой госпинной, чшобы приниматъ мнимыхъ друзей своихъ. Она была въ бѣломъ плащѣ и безъ всякихъ украшеній, въ волосахъ, просно зачесанныхъ. Она казалась спокойною, не обнаруживала ни горести, ни гордосши, ни пришворной веселости. То была мраморная Ниоба. Улыбка, копорою вспрѣчала она самыхъ коропкихъ своихъ пріятельницъ, была въсколь-ко насмѣшлива; но она показала всѣмъ шочно шакою же, какою была всегда, даже и въ шо время, когда блаженство украшало ее своими лучами. И самые нечувспивительные удивлялись ей, какъ юныя Римлянки, рукоплескавшія гладіатору, который и умирая улыбался. Модный свѣшъ, казалось, собрался въ праздничномъ нарядѣ, чшобы проспитъся съ одною изъ своихъ повелительницъ.

— Я боялась, что вы не придете, сказала она Распиньяку.

— За то я послѣдній опсюда уѣду! сказалъ онъ разпроганнымъ голосомъ, принимая эти слова за упрекъ.

— Хорошо, сказала она, пожавъ ему руку: вы, можешъ бышь, единственный человекъ, копорому я могу здѣсь ввѣришься. Другъ мой, любите шу женщину, копорую вы можете всегда любить, и не покидайте ее!

Она подала ему руку и съла съ нимъ на канапѣ въ той залѣ, гдѣ играли.

— Поѣзжайте, сказала она, къ Г. Ажудѣ. Камердинеръ мой Жакъ свезетъ васъ шуда и опдаситъ вамъ письмо къ нему. Я пребую опшъ Г. Ажуды моихъ писемъ. На-

дѣюсь, что онъ опідасшь вамъ ихъ всѣ. Если вы получите мои письма, то пройдите прямо въ мою комнату. Мнѣ придуть сказать.

Она вспала, чтобы пойти навстрѣчу лучшей своей пріятельницѣ, Герцогинѣ Ланже, которая тоже вѣрѣхала посмопрѣшь на нее. Распиньякъ поѣхалъ къ Г. Рошпюду, спросилъ Г. Ажуда. Маркизь повезъ его къ себѣ, опдалъ ему ящичекъ съ письмами и сказалъ: — Они всѣ шуть.

Онъ, казалось, хотѣлъ поговорить съ Евгеніемъ, для того ли, чтобы разспросить его о балѣ Виконшессы, или для того, чтобы признаться ему, что онъ въ опчаяніи опъ того, что ее убиваетъ; но въ глазахъ его блеснула молнія гордоспи, и у него доспало духа зашайшь въ сердць свои чувствованія.

— Не говорите ей ничего обо мнѣ, мой любезный Евгеній!

Онъ пожалъ руку Распиньяка съ гореспно-ласковымъ выраженіемъ, и знакомъ показалъ ему, чіобы онъ ѣхалъ. Евгеній возвратился къ Босеанамъ, и его ввели въ комнату Виконшессы, гдѣ онъ увидѣлъ пригтовленія къ ошѣзду. Онъ сѣлъ къ камину, поглядѣлъ на свой кедровый ларчикъ и погрузился въ глубокую задумчивость. Г-жа Босеанъ казалась ему женщиною въ размѣръ богинь Илліады. !!!

— Ахъ, другъ мой! сказала Виконшесса, войшедши въ комнату и положивъ руку на плечо Распиньяка.

Онъ оглянулся, и увидѣлъ Г-жу Босеанъ въ слезахъ, съ поднятыми къ небу глазами, съ безжизненно-опущенными руками. Она схватила

ящичекъ, бросила его въ каминъ и смопрѣла, какъ онъ горитъ.

— Они танцуюшъ! Они всѣ прѣѣхали въ назначенное время, а смерть придетъ поздно. . . . Тс! другъ мой, сказала она, положивъ палецъ на ропъ Распиньяка, кошорый хопѣлъ говоритъ: я никогда уже не увижу ни Парижа, ни свѣсна. Въ пяшь часовъ упра я ѣду, и живая погребусь въ Нормандіи. Съ прехъ часовъ послѣ обѣда я принуждена была сбираться, подписывать бумаги, приводить въ порядокъ разныя дѣла; я никого не могла послать къ

Она оспановилась.

— Разумѣется, что вы нашли его у. . . .

Она опяшь оспановилась, обезсиленная горесью. Въ подобныя

минушы все дѣлаешя причиною спраданія, и естъ слова, копорыхъ невозможно произнесишь.

— Я надѣялась на васъ, сказала ооа: я была увѣрена, что вы окажете мнѣ эту послѣднюю услугу. Я бы хотѣла оставишь вамъ что-нибудь въ память нашей дружбы. Я часто буду о васъ думать, потому что нашла въ васъ добраго, благороднаго и прямодушнаго молодого человека среди свѣта, въ кошоромъ эти качества такъ рѣдки.

Потомъ, посмопрѣвъ вокругъ себя, она сказала: — возьмише этоиъ ларчикъ: я въ немъ держала перчатки. Всякой разъ какъ, опсправляясь на балъ или въ шеапрѣ, бра-ла я опсюда пару, я чувспвовала, что я хороша, потому что я была счастлива, и я всегда оставляла

шупь какую-нибудь пріятную мысль. Тупь много моего: шупь цѣлая Г-жа Босеанъ, копорая уже не существуешъ! Я велю снести эпошь ящичекъ къ вамъ. Госпожа Нюсингенъ очень хороша сегодня: вы можете любить ее. Мы уже увидимся съ вами, другъ мой; но будье увѣрены, что я всегда буду желать вамъ счастья: вы были добры ко мнѣ. Пойдемте въ залы; не хочу, чтобы они знали, что я плачу. Передо мною открываешся вѣчностъ; я буду въ ней одна, и никто не попребуешъ опъ меня опчена въ слезахъ моихъ. Позвольте мнѣ еще разъ взглянуть на эту комнату. . . .

Она закрыла рукою глаза, попомъ обшерла ихъ, освѣжила ихъ холодною водою, взяла Евгенія подъ руку, и сказала: — Пойдемте!

Распиныякъ, изумленныйъ величіемъ эпоѣй колоссальной женской души, никогда еще не чувствовалъ ощущенія столь горестнаго, какъ то, которое произвелъ въ немъ прикосновеніе скорби, такъ великодушно удерживаемой и скрываеваемой.

Возвращаясь въ парадныя комнаты, Г-жа Босеанъ обошла ихъ подъ руку съ Евгеніемъ, — новый и послѣдній знакъ вниманія это плѣнительной женщины. Въ шанцовальной галлерей Евгеній съ изумленіемъ увидѣлъ одну изъ шѣхъ паръ, которая спановящаяся поразительнымъ явленіемъ ошъ соединенія въ себѣ всѣхъ красотъ человѣческихъ. Ему еще никогда не случалось любоваться на такое совершенство. Мужчина живой Анпиной, и манеры его не разрушали впечатлѣнія, производимаго красопою шѣла. Дама—настоящая фея: она восхищала возо-

ры, очаровывала душу, раздражала чувства самыя холодныя. Всѣ съ наслажденіемъ на нихъ смопрѣли, и завидовали блаженству, которое проявлялось въ опличномъ согласіи ихъ взглядовъ и движеній.

— Боже мой, кто эта женщина? спросилъ Распиньякъ.

— О, это неоспоримо самая прекрасная женщина! отвѣчала Виконшесса. Это Леди Брандонъ. Она всѣмъ пожертвовала этому молодому человѣку.

— А онъ кто таковъ?

— Какъ, вы не знаете Полковника Франкессини.

— Неужели это тотъ самый, который дрался. . . .

— Да, да, дня три назадъ. Его вызвалъ на дуэль сынъ какого-то банкира. Франкессини хотѣлъ

шолько ранишь его, и, по несчастію, убилъ.

— А! ! ! . . .

— Что съ вами? вы препенцете?

— Ничего! отвѣчалъ Распіньякъ.

Холодный попъ выступилъ на пѣлъ Енгенія. Вопрентъ явился передъ нимъ со своимъ мѣднымъ лицомъ. Герой капоржниковъ и герой бальныхъ панцоровъ, идущіе въ жизни рука объ руку, измѣнили для него весь видъ Парижскаго общества. Тотчасъ послѣ этого, онъ увидѣлъ Графиню Респо и Баронессу Пюсингенъ. Графиня блистала брилліаншами, копорые, конечно, жгли ее, попому что были на ней въ послѣдній разъ. Она съ трудомъ выносила взгляды своего мужа. Это зрѣлище не могло развеселишь мыслей Распіньяка. Ежели въ Италіанскомъ Полковникъ предспалъ

передъ него Вопренъ, но изъ-подъ брилліаншовъ обѣихъ сестеръ должно было выглянуть лице умирающаго Горіо. Задумчивый видъ его обмануль Виконшессу, и она оставила его руку, сказавъ: — Я не хочу лишашь васъ удовольствія забавъ.

Дельфина шопчасъ подозвала его къ себѣ; она восхищалась производимымъ ею впечатлѣніемъ, и хотѣла повергнушь къ ногамъ своего любезнаго обожаніе свѣша, въ кошпоромъ надѣялась бышь приняша.

— Какъ вы находите Наспиньку? спросила Дельфина.

— Она танцуешъ въ счешъ жизни опца своего! опвѣчалъ Распиньякъ.

Часовъ около чешырехъ ушра, залы начали пущѣшь. Вскорѣ послѣ того и музыка перестала иг-

рашь. Герцогиня Ланже и Распиньякъ одни оспались въ большой залъ. Виконшесса, думая заспашь одного Евгенія, пришла туда, проспившись прежде съ своимъ мужемъ, кошорый пошелъ спашь, сказавъ ей: — Ты, право, напрасно ѣдешь! Какъ можно въ швои лѣта похоронить себя въ Нормандіи? Оставайтесь съ нами.

Увидѣвъ Герцогиню, Госпожа Босеанъ не могла удержашь восклицанія, — Я угадала швое намѣреніе, Клара, сказала: Герцогиня шы ѣдешь, съ шѣмъ, чшобы уже никогда не возвращашься; но прежде всего шы должна меня выслушашь. Надобно, чшобы мы другъ друга поняли.

Она взяла Виконшессу подъ руку, увела, и шамъ, поглядѣвъ на нее со слезами на глазахъ, сжала се въ своихъ объятіяхъ, и поцѣловала въ обѣ щеки.

— Я не хочу расстаться съ тобою холодно, сказала она: это бы оставило мнѣ слишкомъ тяжелое раскаяніе. Ты можешь полагаться на меня какъ на самою себя. Сегодня ты была испинно велика! Я почувствовала, что должна бышь достойною себя, и хочу доказать тебѣ это. Я часно бывала виновата передъ тобою; не всегда поступала, какъ бы слѣдовало. Прости меня, моя милая; я опрекаюсь опъ всего, что могло оскорбить тебя въ моихъ словахъ, хотѣла бы взять ихъ назадъ. Одинакая горестъ соединяла наши души, но не знаю, кто изъ насъ будетъ теперь несчастнѣе. Г-на Монриво сегодня здѣсь нѣтъ? Ты понимаешь? Кто сегодня тебя видѣлъ, Клара, тотъ никогда тебя не забудетъ. Я намѣрена сдѣлать съ моимъ последнее усиліе. Если оно не удасти-

ся, я пойду въ монахини. А шы куда ѣдешь?

— Въ Нормандію. Въ Курсель. Молишься, до шѣхъ поръ, пока Богъ возьмешъ меня изъ эпіого свѣша, Распиньякъ!

Евгеній преклонилъ колѣно, взялъ ея руку и поцѣловалъ съ умиленіемъ.

— Прощай, Аннуапешина, будь счастлива! А вы, мой милый Евгенийъ, вы счастливы, пошому что вы молоды и еще можете вѣришь людямъ. Я довольна: удаляюсь онъ свѣша, и меня провожаютъ, какъ имершую, прежніе враги и искреннее чувство добраго друга.

Распиньякъ ушелъ въ пяшь часовъ, когда госпожа Босеанъ съла въ дорожный берлинъ, со слезами съ нимъ проспившись. Пѣщкомъ

въ сырую и холодную погуду возвратился онъ въ домъ Воке. Воспешавіе его приходило къ концу.

— Намъ не спасши бѣдняка Горіо, шепнулъ ему Біаншонъ, когда онъ вошелъ въ комнату больнаго. Онъ завернулъ весь въ горчицу, накладенную на простыню, но и эшо уже не помогаешъ. Мы испрашили кучу лѣкарствъ.

— Другъ мой! ошвѣчалъ онъ Біаншону, посмопрѣвъ сначала на умирающаго: не старайся измѣнить скромнаго назначенія, которымъ ограничиваюшя швои желанія. Будь докшоромъ, — ты будешъ счастливъ. А я, — я въ аду, и долженъ въ немъ ошпашься! Сколько ни говоряшъ дурнаго о большомъ Парижскомъ свѣпъ, но, повѣрь мнѣ, нѣпъ Ювенала, которій былъ бы въ сосшояніи вполне изобразить

всю его гнусность, прикрытую золошомъ и драгоцѣнными каменьями.

Ни у Горіо, ни у Евгенія не было денегъ. Біаншонъ ушелъ, чтобы поручиться въ аптекъ за всѣ лѣкарства, набранныя и которыя еще придется взять. Евгеній остался одинъ у постели больнаго.

— А! это ты, мой милый? сказалъ Горіо, узнавъ его.

— Лучше ли вамъ? спросилъ Распиньякъ, взявъ его за руку.

— Да, голова у меня была какъ въ клещахъ: теперь полегче. Видѣли ли вы дочерей моихъ? Онъ скоро пріѣдушъ, лишь только узнаюшъ, что я боленъ. Онъ шакъ ходили за мною, когда мы жили въ улицѣ Жюсень! Боже мой, мнѣ бы хотѣлось, чтобы комната моябы-

ла почнице: совѣшно, право, принимають ихъ. Да какой-то молодой человекъ сжегъ все мое корье: имъ будешь здѣсь холодно.

— Вонъ идетъ Христофоръ, сказалъ Евгеній: онъ несетъ дрова, которые присылаетъ намъ эпопъ добрый Біаншонъ.

— Хорошо. Да чѣмъ мнѣ заплатить за эти дрова? у меня ничего нѣтъ, ровно ничего; я все опдалъ; я нищій. Хорошо ли по крайней-мѣрѣ было плашь Масиньки! (Ой какъ мнѣ больно!) Спасибо тебѣ, Христофоръ. Богъ тебя наградитъ, любезный другъ; у меня ничего нѣтъ... (Ай, ай!)

— Я заплачу и тебѣ и Сильви, сказалъ Евгеній Христофору на ухо.

— Дочери мои сказали тебѣ, что онъ скоро будетъ; не правда, Христофоръ? Сходи, братъ, къ нимъ

еще разъ: я шебѣ дамъ пяшь франковъ. Скажи имъ, что я не здоровъ, что мнѣ хотѣлось бы еще разъ посмотреѣшь на нихъ, обнять ихъ предъ смернью. Скажи имъ эшо. Только, ради Бога, поспорожнѣе; не пугай ихъ.

Расшиньякъ сдѣлалъ знакъ Христофору, и пошъ ушелъ.

— Онъ скоро будущъ, продолжалъ старикъ. Я ихъ знаю! Какъ будетъ печалишься бѣдная Фифи, если я умру! Да и Пасшинька шеже. Мнѣ бы не хотѣлось умирать, чтобы не заспаляшь ихъ плакашь. Умерешъ, мой милый Евгеній, значишь уже никогда не видашь ихъ. Охъ, я буду очень скучашъ! Для опца адъ погда, когда онъ оспаешся безъ дѣшей: я испышалъ эшо съ шѣхъ поръ, какъ онъ замужемъ. Боже мой, какъ я былъ счасливъ, когда мы жили въ улицѣ Жусьенъ! Тамъ-по

было рай для меня. (Ой, ой! я жестоко спрадаю.) Мнѣ кажется, будто я ихъ и теперь еще вижу такими же, какъ онѣ были въ улицѣ Жюсьенъ. Поутру онѣ приходили въ мою комнату: »Здравствуй, папа!» Я бралъ ихъ на колѣна, цѣловалъ ихъ, игралъ, шалилъ съ ними; онѣ сами, маленькія, ко мнѣ ласкались. Каждый день мы вмѣстѣ зашпракали, вмѣстѣ обѣдали; ну да вообще я былъ опцемъ, я наслаждался дѣшьями своими. (Ге! ге!) Когда мы жили въ улицѣ Жюсьенъ, онѣ еще не разсуждали, не имѣли никакого понятія о свѣтѣ; онѣ очень меня любили. (Ой, ой!) Боже мой, зачѣмъ онѣ и теперь не маленькія! (Охъ, какъ мнѣ больно! голова шакъ и шрецишь.) Господи, еслибъ я только могъ взять ихъ за руки, мнѣ бы, право, спало легче. Чшожь это онѣ не вдушь. Хрисшофоръ шакъ

глупъ! Мнѣ бы надобно пойди самому. Онѣ ихъ и не увидишь. (Ой, ай!) Вы вчера были на балѣ: не правда ли, онѣ не знали, что я боленъ? Онѣ бы не спали танцовать, еслибъ могли угадашь, что мнѣ шакъ дурно. Шѣшь, я не могу, я не хочу умирать. Дѣла ихъ запутаны: я непременно долженъ поправиль ихъ состояніе. Я знаю, гдѣ взять денегъ. Поѣду въ Одессу. О, шамъ наживу я миліоны. О Боже мой, какъ эпа голова меня мучишь! Право, хопъ кричашь: а я, кажешся, привыкъ спрадашь!

Горіо замолчалъ и, казалось, крѣпился, чтобы не вскрикнуть.

— Еслибъ онѣ были шумъ, я бы не спалъ жаловашься. Я бы былъ здоровъ.

Онѣ забылся, и пробылъ довольнодолго какъ бы въ усыпленіи. Хри-

спофоръ пришелъ назадъ. Распиньякъ, думая, что Горіо спитъ, не мѣшалъ челоуѣку разказаць вслухъ всю исторію своего посольства.

— Я, сударь, пошелъ сначала къ Графинѣ. Ее я не видалъ; мнѣ сказали, что она занята съ мужемъ важными дѣлами. Я спалъ приспавалъ. Графъ вышелъ самъ и сказалъ мнѣ: »Г. Горіо умираетъ! что за бѣда! Лучше этого онъ ничего не можетъ сдѣлать. Графиня теперь не можетъ къ нему ѣхать. Мы должны окончить съ нею важныя дѣла. Послеъ она, коли хочетъ, поѣдетъ.« Такой сердитый! Потомъ я пошелъ къ Баронессѣ. Тушь другія шпунки. Я ее не видалъ, и не могъ говорить съ нею. Горничная сказала мнѣ: »Она, братъ, пріѣхала съ бала въ пять часовъ, и теперь спитъ. Барыня спанетъ гнѣваясь, если я разбуду ее прежде двѣнадцати. Когда

она позвонилъ, я, пожалуй, скажу, что бабушкѣ ея спало хуже. Неприятное всегда успѣешь сказать. Я просилъ, просилъ.... не шупь-то было. Барона спросилъ; того дома нѣтъ. Такъ я и пришелъ ни съ чѣмъ.

— И ни одна изъ его дочерей не пріѣдетъ? вскричалъ Распиньякъ. Я сейчасъ напишу къ обѣмъ.

Христофоръ ушелъ.

— Ни одна! повторилъ старикъ, вдругъ приподнявшись и сѣвъ на постели! Онъ занялся, онъ спялъ, онъ не пріѣдулъ! Я такъ и думалъ! (Ой! ой!) Надобно умирать, чтобы узнать, что такое дѣши. Ахъ, другъ мой Евгений, не женись, чтобы не имѣшь дѣшей! Вы имъ даете жизнь, они васъ убиваютъ. Вы ихъ вводите въ свѣтъ, они васъ выгоняютъ опшуда. (Ой, ой, о Бо-

же мой, какъ я спрадаю!) Шѣшь, онѣ не прїѣдутъ. Я ужь эшо десянь лѣтъ знаю. Да мнѣ все не хотѣлось эшому вѣришь!

Слезы покапились по щечкамъ его. Онѣ упалъ на подушку какъ камень. Онѣ спрадалъ шѣлесно и сверхъшого былъ въ опчаяніи.

— О, еслибъ я былъ богашъ! Тогда онѣ бы прїѣхали. Онѣ были бы тупъ, съ мужьями, съ дѣтьми. Онѣ бы плакали, шерзались. (Ай! ай!) Деньги даюшъ все на свѣтъ, даже и дочерей. Если бъ я приберегъ что-нибудь себѣ и держалъ ихъ въ уздѣ, эшого бы не было. (Ой, какъ мнѣ дурно!) Мерзавки!... они доспойнымъ ихъ образомъ довершаюшъ свое десятилѣтнее дѣло. Если бы вы знали, какъ и онѣ ухаживали за мною въ первсе время замужства! Да и какъ было не уважать меня:

я имъ далъ почти по восьми сотъ тысячъ, и у меня сверхъ того были деньги!..... Напишите къ нимъ, что у меня есть двѣсти тысячъ, спрячанныхъ у.... Нѣтъ, лучше умираю въ нищету. Теперь я по крайней мѣрѣ знаю, что есть одинъ человекъ въ свѣтѣ, который любилъ меня бескорыстно. Вы, мой добрый Евгений!..... А потомъ, когда у меня не стало денегъ, онъ меня (охъ, больно!) онъ меня понемножку удалили, просто выгнали. Теперь не хощу даже прѣхать просишься со мною. Самъ виноватъ! Я ихъ слишкомъ любилъ, онъ поступали со мной безчеловѣчно, а я, посердившись, опять возвращалъ имъ свое сердце, опять предавался родительской страсти. Я былъ какъ игрокъ, который (ой!) не въ силахъ удержаться.... Дочери составляли мой порокъ; другаго я не зналъ....

Гдѣ онѣ?..... Докшора! докшора!
Мнѣ больно, я умираю. Гдѣ, Анастасія
Дельфина? Пошлите за ними городо-
выхъ, выпребуйте ихъ черезъ
полицію, пусть ихъ приведутъ
сюда съ жандармами. Правильно
и законы должны въ эионѣ случаѣ
защищать меня! Я имѣю полное
право пребывать ихъ помощи: я
отецъ; отецесиво погибнешъ, когда
дѣти не спанутъ уважанъ своихъ
родителей. Въ Уложеніи написано,
что дѣти должны приходить къ
одру отца и матери. О, другъ мой,
напишите къ нимъ, что у меня
есть деньги, цѣлый миліонъ: я
ихъ знаю! Онѣ пошчасъ прѣдутъ,
какъ скоро скажешь имъ — деньги!
Да, у меня еще будетъ для нихъ
миліонъ: я поѣду въ Одессу, наживу
большое соспояніе, и опдамъ имъ.
Онѣ несчастны! Онѣ несчастны!...

Хорошо, я напишу, лишь только

воронилися Біанцювъ. Я самъ занимаю поѣду.

Пьшь, онъ не прїѣдушь! Онъ знающъ, что у мня ничего нѣтъ. Но я хочу ихъ видѣть, Давай же мнѣ моихъ дочерей! Я пребую своихъ дочерей! онъ мой, моя кровь моя собственность... Я могу сдѣлать съ ними что хочу..... Я!.....

Онъ быспро приподнялся и сѣлъ на постели, показывая Евгенію свои расшрепанные сѣдины, копорыя вмѣстѣ со сверкающими послѣднію жизнио глазами выражали самую странную угрозу, бакую шолько можно выразить безмолвно.

Мерзавки! вскричалъ онъ хриплымъ голосомъ, унадая опяшь въ постель: мнѣ много зла наделали Я ихъ ненавижу... Про...,клинаю!

Успокойшесь, почтенный другъ; выпей же это лекарство.

Вы еще любите вашихъ родителейъ
Свѣшъ еще не вырвалъ изъ вастъ
корня семейныхъ радостей!... Охъ
любите, другъ мой, вашихъ отца
и мать! Ужасно бытъ покинутымъ
отцемъ, умирашь въ презрѣніи отъ
пѣхъ, въ кого перелили вы жизньъ
свою. Ужасно!... мои негодныя до-
чери!... (Ой!) Поѣзжайте за моими
дочерьми! Не поѣдушь добровольно,
привезиже ихъ насильно. Кликнете!
въ помощь гвардію и армейскіе пол-
ки, и припащите непременно. (Ой!)
Отъ должны бытъ здѣсь, когда я
умираю!

— Но вы уже ихъ прокляли.

— Проклялъ? проклялъ? вскричалъ
Горіо въ изспуленіи. Кто это
сказалъ? О, нѣтъ! (Ай, ай!) я лю-
блю ихъ..... я ихъ обожаю...

Онъ снова приподняла, и шоп-
часъ упалъ на постель.

— Хриснофоръ, бѣги за Гоіаншономъ, и преведи мнѣ извощика! закричалъ испуганный Евгеній.

— Бѣги, мой другъ! прибавилъ Горіо слабымъ, но умоляющимъ голосомъ: Мнѣ нечего данъ шебѣ за швомъ шруды !... даю шебѣ благословеніе умирающаго отца, онъ котораго опреклись родныя дочери!...

Хриснофоръ встрѣпилъ Біаншона на дорогѣ. Расшнвьякъ просилъ его заложить часы, подаренныя въ память Г-жею Шоснгерель, чтобы было чѣмъ заплачить извощику и за лѣкаршица, а самъ поѣхалъ къ Ресно. Его съ шрудомъ допустили до зятя и до дочери объдѣвшаго старика. Графъ Ресно сказалъ, что Горіо едва-едва его несчастье, и что онъ ни объ чемъ званъ не хочетъ. Графиня приняла Расшнвьяка съ заплаканными глазами по поводу ссоры съ мужемъ, который паспа-

иваль, что-бъ она шу же минушу кончила съ нимъ дѣло: она сухо объявила Евгению, что въ это мгновеніе ей надобно думать о себѣ и о своихъ дѣляхъ; что она придетъ, какъ скоро будетъ свободна; что она сама несчастна. . . . Онъ отправился къ Г-жѣ Нюснигенъ. Дельфина лежала въ постели.

— Я больна, Евгенийъ, сказала она. Я простудилась вчера послѣ бала, и жду доктора.

— Если бъ вы были при смерти, то и тогда должны бы допащиться къ вашему бапюшкѣ! Онъ при послѣднемъ издыханіи, и зовешъ васъ. Если бъ вы могли услышать его крики, вы бы забыли, что вы нездоровы.

— Евгенийъ бапюшка, можешъ-бышь, не такъ дурень, какъ вы воображаете. Да припомъ, онъ и

самъ бы не захопѣлъ, чѣобы я поѣхала, если бѣ знали, что это для меня вредно. Впрочемъ, я поѣду, если только докторъ позволитъ. . . . А гдѣжѣ ваши часы? спросила она, увидавъ, что у него нѣтъ цѣпочки. Неужели вы шакъ скоро. . . ? О, это было бы не просишительно!

Евгеній покраснѣлъ, нагнулся къ постели, и сказалъ ей на ухо: — Башышкѣ вашему не на что купить саванъ, въ кошоромъ его надобно будетъ вечеромъ положить. Часы ваши въ закладѣ. У меня больше ничего нѣтъ. Дельфина вскочила съ постели, побѣжала къ своему бюро, вынула опшуда кошелекъ, опдала его Евгенію, и вскричала: — Бѣгите, бѣгите! . . . Дайте мнѣ одѣться. . . . Я сейчасъ буду. . . . О, я несчастная! . . . Тереза! Тереза! скажите барону

чтобы онъ бросилъ все и пришелъ свою минушу сюда.

Горю былъ уже безъ чувствъ, когда Евгенийъ прѣхалъ назадъ. На лицѣ его изображалась послѣдняя борьба жизни со смертію; но онъ уже не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

— Онъ можетъ пробыть въ этомъ состояніи еще нѣсколько часовъ, сказалъ Біаншонъ.

Черезъ минушу, на лѣспницѣ послышались шаги запыхавшейся женщины.

— Поздно уже! сказалъ Распильякъ.

Это была не Дельфина, а ея горничная, Тереза.

— Баринъ съ барыней поссорились, сударь, сказала она Евгению ошшого, что барыня просила де-

пегь. Бѣдняжка упала въ обморокъ. На обно была послана за докторомъ, пустиши ей кровь. Она кричала: » Башюшка умираешъ! пустише меня къ нему! . . . « Сшрахъ, право, слушашъ! Сердце надрывашся. . . .

Теперь ужь ей прѣзжашъ не зачьмъ, сказалъ Евгений: ошець уже безъ чувствъ.

— Я вамъ не нужна, теперь? сказала Сильвія; я пойду пакрывать на споль—уже пятого половина.

Она пошла, и въ дверяхъ сполкнулась съ Г-жею Ресно. Появленіе Графини было ужасно. Она взглянула на смертную поснелъ опца своего, едва освѣщенную салнымъ огаркомъ; увидѣла лице его, по кошорому еще пробѣгали по временамъ послѣднія содроганія жизни; залилась слезами, и упала на колъна. Біашонъ вышелъ.

— Батюшка! батюшка! прости-
те меня. Я много зла вамъ надѣла-
ла. О, я преслушница! Я, я васъ
убила! . . . Батюшка! прости-
те меня! Пѣнь, возьмите меня съ со-
бою; вы одни на свѣтѣ меня лю-
бите; я всеѣми брошена, всеѣми по-
кнута; даже дѣши будущъ мѣся
ненавидѣтъ.

Она схватила его руку и обли-
вала ее слезами.

— Все несчастія вдругъ на ме-
ня обрушились, сказала она Евге-
нію. Г. Траль, надѣлавъ долговъ,
скрытно ушелъ за границу. Мужъ
никогда меня не проститъ. Дѣши
мои остались безъ куска хлѣба.
Графъ принудилъ меня отказать
все мое имѣніе старшему сыну. . . .
Вашъ одинъ человекъ, который
любилъ меня истинно, и я отвер-
гла его, ополкнула опъ себя! . . .

Я не умѣла цѣнить его привязанности!

— Онъ это зналъ.

Въ это время глаза Горіо, дѣйствіемъ судорогъ, раскрылись. И эти безжизненные, померпвелые глаза, и радостный крикъ графини, были равно ужасны. Г-жа Респо захопѣла османившись одна съ умирающимъ. Распшиньякъ сошелъ въ низъ. Онъ получилъ отъ Біаншона нѣсколько сотъ франковъ за часы, заложенные въ ломбардъ; вручилъ ему деньги для аптекаря за лекарства, заплатилъ Г-жѣ Воке долгъ долгъ за квартиру сипарика, и на оспальныя двадцать франковъ купилъ у ней бѣлья на послѣднюю для него одежду. Она шорговалась съ нимъ за всякую бездѣлицу съ ошврапшительною жадностью. Сердце молодого челоуѣка пресыщалось омерзаниемъ,

Черезъ нѣсколько минутъ въ верху раздался крикъ графини: — Онь умеръ!

При этомъ ужасномъ крикѣ, Распашьякъ, Біаншонъ и Сильвія взбѣжали на лѣспинцу. Г-жа Ресно лежала въ обморокѣ. Приведя графиню въ чувство, Евгенийъ посадилъ ее въ фіаркѣ, и вельвь Терезъ ѣхалъ съ нею къ Г-жѣ Нюсингенъ.

Закрывъ покойнику глаза, Евгенийъ и Біаншонъ съ религіознымъ умиленіемъ положили его на одрѣ, и надѣли ему на шею найденный въ постели подлѣ шрупа медальонъ, въ которомъ были двѣ связки шонкихъ волосъ съ надписью — Анастасія — Дельфина». По качеству эшихъ волосъ легко можно было узнать, что они были рѣзаны еще въ дѣтствѣ неблагодарныхъ дочерей—еще въ то время, когда онъ не разсуж-

дали. Пусть покрайней мѣрѣ это воспримивае ихъ невинности утѣшаетъ его въ могилѣ! . . . Они сошли въ синоловую.

— Госнода, милости просимъ садиться! весело сказала Г-жа Векесунъ проснисьишъ.

Обѣдъ шелъ по обыкновенному. Присутствующіе, кромѣ Распильяка и Біаншона, смѣялись и шутили надъ спранными скончавшагося.

Вечеромъ, Распильякъ писалъ къ Графу Рессю и Барону Нюсннгену, чинобы они прислали кого-нибудь похоронить приличнымъ образомъ ихъ пѣсня. Они прислали. На другой день онъ поѣхалъ къ нимъ; ему сказали швейцары: — Господа никого не принимаюшъ; бапюшка изволилъ скончаться, они чрезвычайно огорчены его смерьюю.

Распашьякъ не могъ даже прови-
кнуться до Дельфины. Неумолимый
приврачникъ объявлялъ, что не при-
казано приниматьъ никого—Дельфина
по-же боится меня видѣть! вскричалъ
онъ съ бѣшенствомъ.—Шестидесятъ
франковъ, которые находились въ
прекрасномъ кошелькѣ Баронессы
Шюсницга, были издержаны на по-
купку мѣсна на кладбище и наемъ
могильщиковъ. Бланшонъ и Распашьякъ
заложили свое платье, купили
просной, некрашеный гробъ, и
повезли покойника на кладбище.
Дорогой прислали къ похоронамъ
двѣ кареты съ гербами Графа Ресто
и Барона Шюсницга, но въ каретахъ
никого не было. На могилу пришли
только ихъ люди, и одинъ добрый
священникъ прибѣжалъ безъ пригла-
шенія прочинать безвозмездно мо-
литву надъ усопшимъ. Тронушыя
словами молитвы, Бланшонъ и Рае-

шиньякъ условилсь, какъ скоро сразбогашьютъ, соорудить несчастному памятникъ съ надписью: »Здѣсь покоится прахъ оица графини Ресно и баронесы Нюсингенъ, погребеннаго иждивеніемъ двухъ бѣдныхъ студентовъ». Они это исполнили *All ist true!* все правда.

Въ шесть часовъ гробъ былъ опущенъ въ яму.

Когда два могильщика, засыпавъ и приколовивъ земли лопашою, попросили на вино, Евгений обыскалъ все свои карманы, и не нашелъ въ нихъ ничего: онъ долженъ былъ занять для нихъ франкъ у Христофора. Это обстоятельство, само по себѣ шлоъ незначущее, произвело въ Распиньякъ спрашный припадокъ унынія. День клонился къ исходу сумракъ раздражалъ первы сырымъ своимъ холодомъ: онъ

взглянулъ на могилу, и похоронилъ въ ней свою послѣднюю слезу юности, слезу выжатую святыми волненіями сердца чистаго-одну изъ тѣхъ слезъ, которыя съ земли, куда онъ упадутъ, бризжутъ до самаго неба. Онъ сложилъ руки на груди, и спалъ всмапривахъ въ облака. Біаншонъ удалился еще до засыпанія ямы; скоро и Хрисшофоръ ушелъ домой, и онъ оспался одинъ. Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по кладбищу, и увидѣлъ Парижъ, извиленно прелечный на берегахъ Сены, въ которомъ начали мелькать огни. Глаза его жадно приковались къ массѣ крышъ сваленныхъ между колонною Вандомской Площади и куполомъ церкви Инвалидовъ, къ мѣсту, гдѣ живетъ топъ изящный, золоченный свѣтъ, въ которой онъ хотѣлъ было забраться. Въ немъ снова вспыхнули желанія, съ коими

рыми онъ боролся шакъ долго съ переменчивымъ счашиемъ. Онъ бросилъ на эшонъ жужжащій улей шаковой взглядъ, кошорымъ, казалось, кошлъ заране высосалъ изъ него весь медъ, и произнесъ эшо роковое восклицаніе:

— Теперь мы съ тобой раздѣляемся!

Онъ пошелъ въ Парижъ: дорогой, онъ еще колебался, направлянъ ли шаги свои къ красивому жилищу въ улицъ Арнуа, или къ прежней, грязной квартирѣ у мадамъ Воке,— и очутился у дверей дома Г-на Тальфера. Тѣнь Вонрена привела его къ эшому дему, и положила руку его на замокъ. Онъ зажмурилъ глаза, чшобъ ся видѣнъ. Онъ искалъ еще въ своемъ сердцѣ и въ своей вицентѣ честнаго предлога. Викшорина такъ пѣжно любила своего ошца! ..

Распицьякъ спросилъ Г-жу Купюръ. Теперь онъ милліонщикъ, и гордъ какъ баронъ.

Конецъ третій и послѣдней части.